

A 180
709

Кн. 2 № 5

БІОТЕКА

НАШИХЪ
ДѢТЕЙ

3. ТОПЕЛІУСЪ

Избранные сказки

КНИГА ВТОРАЯ

Издание
О. Н. Поповой.

Учен. Комит. М. Н. Л. допущено въ ученич. библиот. на

БИБЛИОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ,
основанная Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ

T-53

[N75]

M

A $\frac{180}{709}$

З. Топелиусъ

T58

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

КНИЖКА ВТОРАЯ

Переводъ М. Благовѣщенской

T. 528

с РИСУНКАМИ

Царевна Златолипка
Сампо-Лапченкоъ
Мирза и Мирьямъ

4569

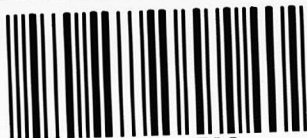
Издательство О. Н. Поповой
С.-Петербургъ
1913

БЧ-18802

Ф 30418-42.

1864 208

2007082500

„Русская Скоропечатня“, Сиб., Екатеринбург. кан., 94.

11-01090901

8181

Царевна Златолипка.

А теперь полетимъ на крыльяхъ вѣтра въ страну тысячи сказокъ, на родину розъ и тюльпановъ, гдѣ утреннею зарей прекрасныя феи возводятъ свои волшебные замки, гдѣ во мракѣ полуночной поры носятся черные гномы; гдѣ солнечные лучи обливаютъ золотымъ дождемъ синія горы, и водяныя лиліи тихо любятъ собою въ зеркалѣ глубокихъ озеръ; гдѣ по берегамъ рѣкъ въ камышахъ сверкаютъ глаза тигровъ, а люди,

загорѣлые и черноглазые, пылають ненавистью и горять любовью. Мы полетимъ въ Персію.

Жиль-быль въ Персіи царь по имени Шахъ-Надиръ. Онъ былъ несмѣтно богатъ; онъ царилъ надъ большими прекрасными землями и милліонами людей; у него были громадныя высокія залы, наполненныя золотомъ и драгоценными камнями; корабли его ходили по всѣмъ морямъ, нагруженные товарами изъ Индіи. Онъ показывался народу въ своей столицѣ Испагани всегда окруженный сотней тысячъ тѣлохранителей въ серебряныхъ доспѣхахъ, огнемъ сверкавшихъ на солнцѣ, и пятьюдесятью тысячами всадниковъ на прекраснѣйшихъ коняхъ съ золотыми уздачками и сѣдлами, расшитыми драгоценными камнями; и всѣ эти воины готовы были по первому мановенію его руки броситься впередъ, чтобы завоевать для него весь свѣтъ.

Но могущественный Шахъ-Надиръ былъ старъ, его не влекло ни къ войнѣ, ни къ завоеваніямъ. Онъ одержалъ уже много побѣдъ; много вражескихъ народовъ погибло жертвою его гнѣва, и за то время, когда рука его была сильна и непреодолима, мечъ его уничтожилъ безчисленныя вражескія войска.

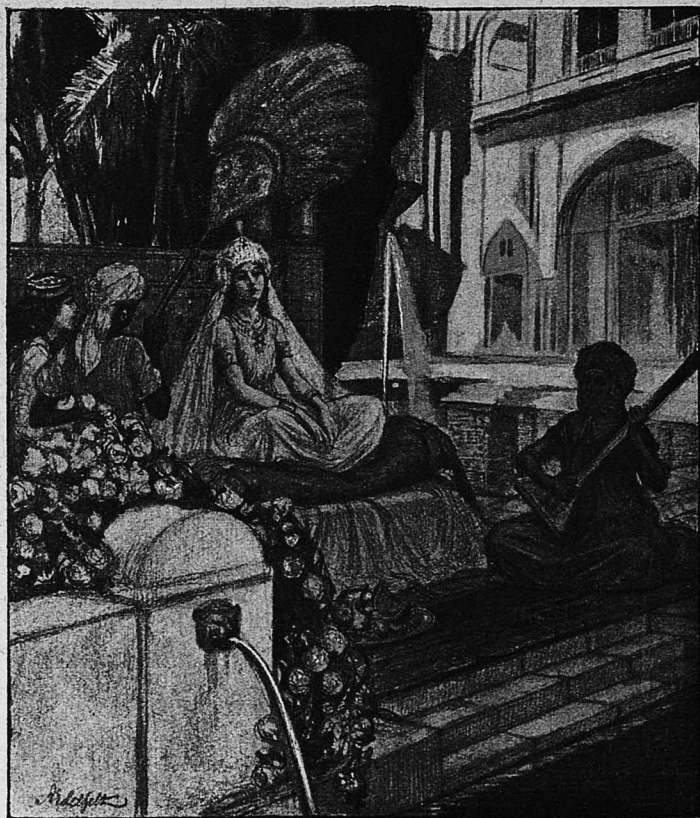
Но онъ сталъ старъ и слабъ и лучше всего чувствовалъ себя на мягкихъ пурпуровыхъ диванахъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ. Только изрѣдка весной, когда окаймленные золотомъ тучки заслоняли собой палящее солнце Персіи и съ горъ Загроса вѣяло пріятной прохладой, старый Шахъ-Надиръ садился въ разукрашенный золотомъ паланкинъ, и восемь черныхъ рабовъ въ серебряныхъ одеждахъ несли его осматривать войска или любоваться боемъ звѣрей.

У Шахъ-Надира было много сыновей, такъ какъ онъ, по восточному обычаю, имѣлъ много женъ. Однако сыновья доставляли ему мало радости: они были честолюбивы и неблагодарны; они находили, что отецъ ихъ живетъ слишкомъ долго, жаждали его смерти и домогались его короны. Потому-то царь отослалъ всѣхъ своихъ сыновей въ отдаленныя провинціи, подальше отъ двора, и назначилъ ихъ тамъ намѣстниками. А при себѣ онъ оставилъ только свою единственную любимую дочь, царевну Златолипку, потому что ее онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, даже больше всѣхъ своихъ сокровищъ и всего своего царства.

Правда, такого имени, какъ Златолипка,

никогда раньше въ Персіи не слыхали, да и произносить-то его персы какъ слѣдуетъ не умѣли. Но мать царевны была родомъ съ далекаго сѣвера, — хотя никто не зналъ хорошенько, откуда именно. Совсѣмъ молодой она попала въ руки африканскихъ морскихъ разбойниковъ, а потомъ ее купилъ за ея необыкновенную красоту персидскій царь. Шахъ-Надиръ сдѣлалъ ее впослѣдствіи своей женой и любилъ больше всѣхъ своихъ женъ. Прекрасная царица умерла, когда ея дочь была еще маленькой; она назвала прелестную царевну Златолицкой; этимъ именемъ она намекала на то, что царевна такъ же прекрасна и свѣтла, какъ золотые лучи солнца, когда они весною играютъ въ вѣтвяхъ сѣверной липы и покрываютъ золотомъ ея нѣжную блѣдно-зеленую листву.

И, надо сознаться, болѣе прекраснаго и болѣе чистаго существа, чѣмъ царевна Златолицка, никогда еще не носила наша грѣшная земля. Отъ отца она унаслѣдовала царственную и величавую осанку, но обаятельную внѣшность и неоцѣненные сокровища своего сердца она унаслѣдовала отъ своей матери. Лицо и тѣло у нея были бѣлѣе скандинавскаго

сныга, а глаза ея были такъ же кротки, какъ тихія звѣзды въ августовскій вечеръ, когда на небѣ нѣтъ луны. Сердце у нея было благородное, доброе и отзывчивое; во всемъ царствѣ Шахъ-Надира не было ни единого живого существа, которое не любило бы царевны Златолипки, ибо молва о ея необыкновенной красотѣ и о ея прекрасномъ сердцѣ облетѣла всю Персію.

Старый царь это хорошо зналъ, а потому сердце его дѣлалось мягкимъ, какъ воскъ, каждый разъ, какъ только взглядъ его падалъ на его дорогое дитя. Она была звѣницей его ока, радостнымъ и неизмѣннымъ сновидѣніемъ его почей. Единое ея слово обезоруживало самый сильный его гнѣвъ; не было такой просьбы съ ея стороны, которую онъ не исполнилъ бы, если она заступалась за какого-нибудь несчастнаго узника. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ мыслей о своихъ коварныхъ и непокорныхъ сыновьяхъ, онъ рѣшилъ выбрать для своей дочери благороднаго супруга и подарить молодымъ и ихъ потомкамъ въ наслѣдственное владѣніе все свое царство.

Однако самыя чистыя чувства въ человѣческой груди порождаютъ ошибки и грѣхи;

такъ случилось и съ отеческой любовью Шахъ-Надира. Онъ безгранично любилъ свою дочь: она была ему дороже его безчисленныхъ подданныхъ, и это уже было съ его стороны большой несправедливостью, потому что царь не долженъ ставить свой народъ на второе мѣсто послѣ своего ребенка. А Шахъ-Надиръ любилъ свою дочь даже больше Аллаха, своего Бога; онъ молился на нее, какъ молятся только Богу; и вотъ эта грѣховная любовь, это боготвореніе смертнаго человѣка навлекли на него гнѣвъ Аллаха, и онъ покаралъ его.

Нельзя было себѣ представить болѣе прекрасной, болѣе пріятной жизни, чѣмъ та, которою жила царевна Златолипка. Великолѣпный мраморный дворецъ царевны находился въ прохладномъ саду подъ тѣнью высокихъ палатъ; всюду журчали и сверкали фонтаны, освѣжали воздухъ, напоенный благоуханіемъ множества самыхъ прекрасныхъ и самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Прежде, чѣмъ освѣтить высокіе покои дворца, солнечные лучи преломлялись въ окнахъ изъ шлифованнаго горнаго хрустала. Ночью царевна покоилась на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, а утромъ къ ней являлись прислуживавшія ей дѣвушки и вели

ее къ прекрасному бассейну изъ слоновой кости и перламутра, въ глубинѣ котораго билъ ключъ, и студеная прозрачная вода нѣжно и игриво принимала въ свои объятія стройное тѣло царевны. Днемъ царевна со своими дѣвushками занималась рукодѣльемъ и ткала прекрасныя матеріи; или же она слушала пѣнье птицъ и звуки цитры и гуляла въ саду, играя темнокрасными розами и рѣзвясь, какъ дитя, съ златокрылыми бабочками.

Царевнѣ Златолицкѣ было всего только двѣнадцать лѣтъ; но на Востокѣ двѣнадцать лѣтъ то же самое, что на Сѣверѣ шестнадцать.

Нехорошо, когда человѣкъ живетъ въ роскоши и въ излишествѣ и когда малѣйшее его желаніе исполняется по первому его знаку. Многіе отъ такой жизни дѣлаются гордыми и капризными; однако про царевну Златолицку этого нельзя было сказать. Отъ этой жизни ей только стало скучно. Она сама не отдавала себѣ отчета, какъ это случилось, но ни игры съ бабочками, ни благоуханіе цвѣтовъ, ни журчаніе фонтановъ, ни звуки цитры больше ее не развлекали, на сердцѣ у нея становилось пусто, и она стала замѣчать, къ своему удивленію, что у нея является желаніе плакать.

Она никакъ не могла понять, отчего это, и еще меньше это понимали ея дѣвушки. Маленькая Златолипка не знала, что ничто на свѣтѣ не можетъ казаться прекраснымъ и желаннымъ, если рядомъ съ величайшимъ счастьемъ не стоять горе и нужда и не придаютъ ему особенную окраску и блескъ. То же самое было и съ ея счастьемъ. Она должна была испытать горе, чтобы научиться пользоваться счастьемъ.

Между тѣмъ царевнѣ показалось, что она открыла причину своей тоски. Она рѣшила, что это происходитъ отъ ея затворнической жизни во дворцѣ. Ей захотѣлось хоть одинъ разъ полюбоваться на шумъ и движеніе толпы въ великой Испани. Когда ея отецъ пришелъ навѣстить ее, она попросила его разрѣшить ей присутствовать на большомъ боѣ звѣрей, который долженъ былъ состояться въ скоромъ времени въ ознаменованіе торжественнаго дня шестидесятилѣтія царя. Такъ какъ Шахъ-Надиръ не могъ ни въ чемъ отказать своей дочери, то онъ согласился и на эту ея просьбу, хотя въ первый разъ онъ давалъ свое согласіе неохотно.

Шахъ-Надиръ былъ очень могущественный царь, передъ которымъ трепетала половина Азіи;

а такіе цари имѣють много враговъ. Однако онъ не боялся своихъ враговъ, потому что онъ покорилъ ихъ своимъ мечомъ. Одного изъ этихъ враговъ онъ глубоко презиралъ, и когда тотъ попался ему въ руки, то Шахъ-Надиръ велѣлъ обрить ему бороду и затѣмъ отпустилъ его на волю. Этотъ презрѣнный врагъ былъ царь великановъ въ Туранѣ, въ большой горной и пустынной странѣ на сѣверъ отъ Персіи, а звали этого царя Бомъ-Бали. Этотъ Бомъ-Бали, въ одинъ изъ своихъ сѣверныхъ походовъ, взялъ въ плѣнъ лапландскаго колдуна Хирму, который умѣлъ превращаться во всевозможныхъ звѣрей и потомъ снова принимать свой прежній видъ. И вотъ Бомъ-Бали узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, что въ Испагани предстоить большой бой звѣрей; онъ призвалъ къ себѣ Хирму и сказалъ:

— Собака, хочешь ты жить?

Хирму отвѣчалъ:

— Господинъ, пусть никогда не умалится тѣнь твоя. Ты знаешь, что твоя собака хочетъ жить.

Бомъ-Бали сказалъ:

— Въ первый день мѣсяца Мохаррема состоится большой бой звѣрей въ Испагани.

Шахъ-Надиръ прислалъ въ наши горы звѣролововъ; преобразись въ тигра, дай поймать себя и похити для меня царевну Златолицку, гордость Шаха и всей Персіи.

— Твое приказаніе будетъ исполнено, господинъ, — отвѣтилъ лапландскій колдунъ.

Персидскіе звѣроловы пришли въ Туранъ и наловили тамъ въ горныхъ пустыняхъ множество звѣрей; они посадили ихъ въ клѣтки и перевезли живыми въ Испагань.

Наступилъ первый день Мохаррема, и приготовления къ торжеству въ столицѣ Персіи закончились. Самые страшные звѣри изъ Индіи, Аравіи, Турана и даже изъ пустыни Сахары, въ ожиданіи боя, сидѣли запертые въ боковыхъ

помѣщеніяхъ возлѣ большой круглой арены. Вокругъ этой арены въ обширныхъ ложахъ помѣщалось болѣе шестидесяти тысячъ зрителей. Для большей безопасности арену отгородили отъ зрителей крѣпкой желѣзной рѣшеткой.

Съ ранняго утра весь городъ находился въ движеніи. Царевна Златолипка радовалась, какъ ребенокъ: ей предстояло въ первый разъ вылетѣть изъ клѣтки; она должна была увидѣть представленіе, гдѣ дѣйствующими лицами были настоящіе львы и тигры, а не люди, одѣвающіе для устрашенія зрителей бороды, чтобы снять ихъ съ себя, какъ только представленіе кончается.

Зрители собрались уже вокругъ арены, и ждали только царя. Но вотъ появился самъ царь въ сопровожденіи своей блестящей стражи, однако на этотъ разъ не одинъ: съ нимъ была дочь, прекрасная царевна Златолипка. По восточному обычаю на ея лицо спускалось покрывало; можно было любоваться только ея стройной фигурой и ея царственной осанкой. Она ѣхала въ сопровожденіи своихъ дѣвушекъ верхомъ на прелестной маленькой полосатой зебрѣ, которая красно выступала, какъ бы гор-

дясъ выпавшей на ея долю честью. Хотя народъ не могъ видѣть лицо царевны, но всѣ по слухамъ знали объ ея красотѣ и ея добротѣ; всѣ знали, что своимъ заступничествомъ она спасла жизнь многимъ узникамъ, и что черезъ своихъ дѣвушекъ она ежедневно разсылала бѣднякамъ Испагани пищу и лѣкарства. А потому при ея появленіи поднялся такой единодушный крикъ восторга, какого въ персидской столицѣ не слыхали съ самаго дня торжественнаго вѣзда Шахъ-Надира въ Испаню послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, когда шестнадцать плѣнныхъ царей принимали участіе въ триумфальномъ шествіи.

Очень можетъ быть, что отъ этой восторженной встрѣчи царевна покраснѣла, но этого никто не видалъ. Она сѣла рядомъ со своимъ отцомъ на богато расшитыя пурпуровыя подушки, разложенныя на коврахъ въ царской ложѣ, — и представленіе началось.

Сперва выпустили на арену пѣтуховъ. Они съ яростью выщипывали другъ у друга перья, при громкомъ смѣхѣ зрителей; многіе находили это очень забавнымъ, но царевнѣ Златолицѣ это вовсе не понравилось.

Послѣ этого состоялся бой между дикой

кошкой и морскимъ орломъ, которому предварительно подрѣзали одно крыло, чтобы онъ не могъ улетѣть. И кошка, и орелъ набрасывались другъ на друга съ растопыренными когтями; орелъ клевалъ кошку въ бокъ, а кошка старалась вдѣпиться зубами въ горло орла. Наконецъ кошкѣ удалось выпарапать орлу оба глаза, послѣ чего онъ палъ въ борьбѣ, а тяжело израненную кошку зрители привѣтствовали, какъ побѣдительницу.

Потомъ на арену вытащили двухъ громадныхъ крокодиловъ въ длинныхъ лоханяхъ, наполненныхъ водой; а передъ крокодилами бросили мертвого поросенка. Крокодиловъ не кормили цѣлый мѣсяцъ, и они изголодались, но вмѣстѣ съ тѣмъ ими овладѣла такая сонливость, что они не шевелились и только грѣлись на солнцѣ. Тогда на арену смѣло выбѣжалъ маленькій мальчикъ и пощекоталъ хлыстомъ морду одного изъ крокодиловъ; тотъ раскрылъ свою страшную пасть и началъ тяжело и косолапо вылѣзать изъ лохани, чтобы поймать мальчика. Однако мальчикъ ловко отскочилъ, а крокодилъ повернулся въ другую сторону. Разбудивъ одного врага, мальчикъ такимъ же образомъ

раздразнилъ и другого, и затѣмъ быстро скрылся за маленькой дверкой въ рѣшеткѣ. Теперь только крокодилы увидали мертвого поросенка и набросились на него, но тутъ между ними завязался бой изъ-за добычи. Оба тяжело переваливались другъ черезъ друга, стараясь впиться одинъ въ другого своими острыми зубами, однако ни тому, ни другому не удавалось прокусить жесткій панцырь. Въ концѣ концовъ одинъ крокодилъ упалъ на спину, и тогда другой распоролъ ему брюхо, послѣ чего и завладѣлъ поросенкомъ.

Но вотъ завязался бой между шестью большими арабскими собаками и шестью шакалами изъ Туранской пустыни. Шакалы такъ же, какъ и волки, сродни собакамъ, но гораздо трусливѣе ихъ. Шесть шакаловъ пытались куда-нибудь убѣжать и избѣгнуть боя, но въ концѣ концовъ они принуждены были защищаться и вступить въ борьбу съ собаками. Произошелъ кровавый бой. Вскорѣ пять собакъ лежали мертвыми, а изъ шакаловъ палъ только одинъ. Въ эту минуту въ одной изъ ложъ слышался свистъ. Это свистнулъ храбрый молодой арабскій принцъ Абдерраманъ, поощряя этимъ къ бою свою любимую собаку

Валледивау. Услыша свистъ своего хозяина, собака съ новыми силами набросилась на шакаловъ; вскорѣ шакалы попадали одинъ за другимъ, и побѣдителя Валледивау привѣтствовали громкими криками.

Вслѣдъ за этимъ произошелъ бой между гіенами и волками, а послѣ этого натравили другъ на друга леопарда и пантеру. Передъ ними бросили кусокъ свѣжаго мяса, изъ-за котораго оба звѣря со страшной жестокостью вцѣпились другъ въ друга зубами и когтями. Побѣдительницей осталась пантера; она оказалась сильнѣе и изворотливѣе леопарда.

Послѣ этого на арену вывели большого индійскаго слона; у него на спинѣ возвышалась маленькая башенка съ четырьмя стрѣлками. Противникомъ слона былъ пятнистый королевскій тигръ необыкновенной величины и рѣдкой красоты. Тигра этого звали, по имени князя тьмы, Ариманомъ. Стрѣлки на спинѣ слона выпускали въ него одну стрѣлу за другой, чтобы раздражить его. Тигръ весь согнулся дугой, сверкая глазами, и билъ себя по бедрамъ хвостомъ; повидимому, онъ рѣшилъ не отвѣчать на вызовъ и не вступать въ бой. Но вотъ одна изъ стрѣлъ попала ему въ морду;

раздалось страшное рычанье, Ариманъ началъ бить хвостомъ по песку арены и однимъ ловкимъ прыжкомъ бросился на слона и вцѣпился ему въ хоботъ. Тогда и слонъ въ свою очередь заревѣлъ отъ боли, согнулъ хоботъ, поднялъ тигра и съ такой силой бросилъ его оземь, что тигръ, казалось, разбился на-смерть. Однако на самомъ дѣлѣ было не такъ. Минуту спустя Ариманъ снова поднялся, сдѣлалъ сильный прыжокъ, очутился у слона на спинѣ и вцѣпился зубами ему въ шею. Внѣ себя отъ боли слонъ старался изо всѣхъ силъ сбросить съ себя страшнаго звѣря, но напрасно; слонъ ослабѣлъ и медленно опустился на землю; башня сломалась, и стрѣлки быстро убѣжали, тогда какъ тигръ упивался кровью своего врага.

Послѣ того, какъ Ариманъ отдохнулъ нѣсколько мгновений, на него выпустили большого льва, названнаго Ормуздомъ въ честь князя свѣта; чтобы привести звѣрей въ ярость, имъ хотѣли бросить живого ягненка. Этого царевна Златолипка не вынесла, она уже давно устала отъ кроваваго зрѣлища. Она сдѣлала знакъ рукой, и дрожащій отъ страха ягненокъ былъ спасенъ. Въмѣсто ягненка

звѣрямъ бросили одну изъ мертвыхъ собакъ. Левъ былъ голоденъ и потому сейчасъ же бросился на добычу; тигръ былъ сытъ, такъ какъ только-что упился кровью слона, но, жадный отъ природы, онъ не хотѣлъ уступить добычу льву и бросился отнимать у него собаку. И вотъ завязался страшный бой между Ормуздомъ и Ариманомъ, между княземъ свѣта и княземъ тьмы. Воздухъ наполнился далеко кругомъ ихъ страшнымъ рычаньемъ, песокъ вздымался высоко отъ ихъ лапъ и окрашивался ихъ кровью. Они перескакивали другъ черезъ друга, вцѣплялись другъ въ друга, разнимались, потомъ снова съ ожесточеніемъ набрасывались другъ на друга; это было страшное и удивительное зрѣлище, всѣ зрители дрожали отъ возбужденія. Долго бой не рѣшался ни въ одну изъ сторонъ, но наконецъ силы измѣнили тигру, — онъ свалился на землю, и левъ разодралъ ему брюхо. Ариманъ лежалъ мертвымъ, а Ормузда съ торжествомъ увели съ арены.

Кровавая забава должна была окончиться боемъ между цѣлыми стаями самыхъ кровожадныхъ индійскихъ и африканскихъ звѣрей. Но такъ какъ солнце жгло нестерпимо, то зрите-

лямя дали на нѣкоторое время отдыхъ, въ продолженіе котораго они пили прохладительныя напитки. Многіе пошли на арену смотрѣть мертвыхъ звѣрей, лежавшихъ еще на песокъ. Царевна Златолипка также пожелала удовлетворить свое любопытство и посмотреть въблизи на страшныхъ звѣрей. До сихъ поръ она никогда не видала ничего, кромѣ цвѣтовъ и птичекъ, и не имѣла никакого представленія объ этихъ страшныхъ звѣряхъ. Она спустилась въ сопровожденіи своихъ дѣвушекъ и стражи на арену; рабы разстилали передъ нею затканные золотомъ ковры, чтобы окровавленный песокъ не запачкалъ ея нѣжныхъ ножекъ.

Чего ей было бояться? Всѣ оставшіеся въ живыхъ звѣри были крѣпко заперты, а самый страшный изъ всѣхъ звѣрей, большой тигръ Ариманъ, лежалъ на аренѣ мертвый. Царевна подошла къ мертвому тигру, любуясь его красотой, въ особенности его великолѣпной пятнистой шкурой; она рѣшила попросить отца подарить ей эту тигровую шкуру для ковра въ свой мраморный дворецъ.

Но вдругъ мертвый тигръ поднялся на заднія лапы, прыгнулъ къ царевнѣ, схватилъ

ее въ свою страшную пасть и бросился бѣжать съ арены.

По тысячной толпѣ зрителей пронесся крикъ ужаса, но ни у кого не хватило мужества выхватить у тигра его добычу. Только храбрый принцъ Абдерраманъ бросился со скоростью вѣтра наперерѣзь тигру, схватилъ его за окровавленную спину и сталъ бороться съ нимъ изъ-за добычи. Бѣдный принцъ! Тигръ откусилъ ему правую руку, и, прежде чѣмъ подоспѣла помощь, принцъ Абдерраманъ лежалъ, истекая кровью, на песокъ, а тигръ Ариманъ, перепрыгнувъ черезъ желѣзную рѣшетку, исчезъ изъ виду и унесъ въ своей пасти царевну Златолипку.

Горе стараго Шахъ-Надира не поддается описанію; но горевалъ также и весь городъ Испаганъ, да и вся Персія. Тѣлохранители царя, пятьдесятъ тысячъ всадниковъ на коняхъ съ золотыми уздечками, сейчасъ же понеслись въ погоню за царевной. Они обыскали каждый кустикъ, каждую разсѣлину въ горахъ Турана, гдѣ былъ пойманъ звѣроловами страшный тигръ. Много сотенъ тигровъ пало жертвами ихъ стрѣлъ и копій, но все было напрасно. Послѣ того, какъ былъ обысканъ не только весь Туранъ, но также и половина всей Азіи, тѣлохранители возвратились въ Испаганъ съ печальной вѣстью: царевну нигдѣ не нашли.

Шахъ-Надиръ рвалъ на себѣ свои сѣдые волосы и проклиналъ день шестидесятилѣтія своего рожденія, который стоилъ ему самаго дорогого, что у него только было на свѣтѣ, его Златолипки. Онъ приказалъ, чтобы весь народъ одѣлся въ трауръ, какъ послѣ смерти царицы, и чтобы во всѣхъ мечетяхъ молились о возвращеніи царевны Златолипки. Кромѣ того, царь объявилъ слѣдующее: тотъ, кто возвратитъ ему дочь живую, получить руку царевны и унаслѣдуетъ корону Персіи; а

тотъ, кто возвратить ее мертвою, получить въ награду шестьдесятъ ословъ, нагруженныхъ золотомъ и драгоценностями.

Надежда на такое щедрое вознагражденіе прельщала многихъ благородныхъ царевичей и князей, и они отправлялись въ поиски за пропавшей царевной. Но всѣ они возвращались обратно, не найдя ничего, — всѣ, за исключеніемъ одного, а именно принца Абдеррамана. Онъ далъ святой обѣтъ искать царевну въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, освободить ее своей лѣвой единственной рукой или же умереть.

Если бы царевну дѣйствительно похитилъ настоящій тигръ Ариманъ, тогда нашей сказкѣ былъ бы конецъ, потому что для королевскаго тигра нѣтъ ничего святого: онъ не пощадилъ бы даже самой очаровательной царевны на свѣтѣ. Нѣтъ, дѣло было не такъ. Колдунъ Хирму воспользовался боемъ звѣрей, исполнилъ приказаніе своего господина, но царевну онъ похитилъ для самого себя. Хотя онъ и принялъ видъ тигра, но сердце у него осталось его собственное; а пока въ немъ жило его сердце, никто не могъ убить его. Понятно, что, овладѣвъ такимъ сокровищемъ, какъ царевна,

онъ не пожелалъ его выпустить изъ своихъ рукъ, и, вмѣсто того, чтобы отнести ее къ царю великановъ Бомъ-Бали въ Туранъ, онъ помчался съ ней на свою далекую родину въ Лапландію.

Въ Лапландіи была осень и царила тьма. Лапландка Пимпедора сидѣла у очага въ шалашѣ и варила кашу, а сынъ ея Пимпепантури сидѣлъ рядомъ съ ней въ ожиданіи каши и любовался своими лаптями изъ оленьей шкуры. Пимпепантури былъ славный мальчикъ, но немножко глуповатый, да и лѣнивый къ тому же. Отецъ его Хирму очень желалъ воспитать сына колдуномъ, но изъ этого ничего не выходило; Пимпепантури предпочиталъ ѣсть и спать, чѣмъ учиться чему-нибудь полезному.

Но вотъ лапландка повернулась къ своему сыну и сказала:

Ты ничего не слышишь?

— Я слышу, какъ трещить огонь и какъ шипитъ каша въ котлѣ, — отвѣтилъ Пимпепантури съ продолжительнымъ зѣвкомъ.

— Развѣ ты не слышишь рычаніе, оно доносится издалека? — спросила опять лапландка.

— Да, — сказалъ Пимпепантури. — Это волкъ рѣжетъ одного изъ нашихъ оленей.

— Нѣтъ, — возразила лапландка: — это отецъ возвращается домой. Онъ отсутствовалъ въ продолженіе четырехъ зимъ; я слышу его тяжелое дыханіе и фырканье: онъ, вѣроятно, очень торопится домой.

Въ эту минуту въ шалашъ вбѣжалъ Хирму, въ видѣ тигра, съ царевной Златолипкой въ пасти; онъ опустилъ ее на мохъ, разложенный въ шалашѣ, и, принимая свой настоящій образъ, воскликнулъ:

— Жена, что у насъ сегодня къ ужину? Я хорошо прогулялся.

Тигръ же, въ образѣ котораго колдунъ прибѣжалъ домой, свалился въ шалашъ мертвымъ; при этомъ лапландка чуть было не упала со страху въ котелъ. Но она хорошо знала своего мужа и пообѣщала ему вкусный ужинъ, если онъ только расскажетъ ей, гдѣ провелъ четыре зимы, и что это за нарядная кукла, которую онъ принесъ съ собой.

— Это слишкомъ долго рассказывать, — сказалъ старикъ. — Поухаживай немножко за этой куклой и дай ей теплаго оленьяго молока, чтобы она пришла въ себя. Она важная барышня изъ Персіи; она принесетъ намъ счастье.

Царевна Златолипка была жива, она даже не была ранена, а только потеряла сознание отъ ужаса. Она пришла въ себя въ лапландскомъ шалашѣ, лежа на оленьей шкурѣ, разложенной на мху, въ своемъ роскошномъ одѣяніи, расшитомъ жемчугомъ и серебромъ. Было темно и холодно; огонь на очагѣ тускло освѣщалъ стѣны тѣснаго шалаша и лапландку, поившую ее оленьимъ молокомъ. Она подумала, что попала въ подземное царство мертвыхъ, и горько заплакала о томъ, что она должна навсегда разстаться съ солнцемъ Персіи и прекрасными розовыми садами Испани.

Между тѣмъ колдунъ придумалъ хитрый планъ, чтобы завладѣть сокровищами Персіи, и сказалъ Златолипкѣ:

— Не плачь, прекрасная царевна: ты не умерла, тебя только похитилъ страшный тигръ, но мой сынъ, храбрый рыцарь Морусъ-Пандорусъ фонъ-Пиккулукуликуккулу, спасъ тебя съ опасностью для своей драгоцѣнной жизни. Мы будемъ твоими рабами и будемъ служить съ величайшимъ усердіемъ, пока не представится возможность отправить тебя обратно въ Персію.

— Что ты тамъ врешь, старикъ,—сказала

честная лапландка на своемъ родномъ языкѣ колдуну.

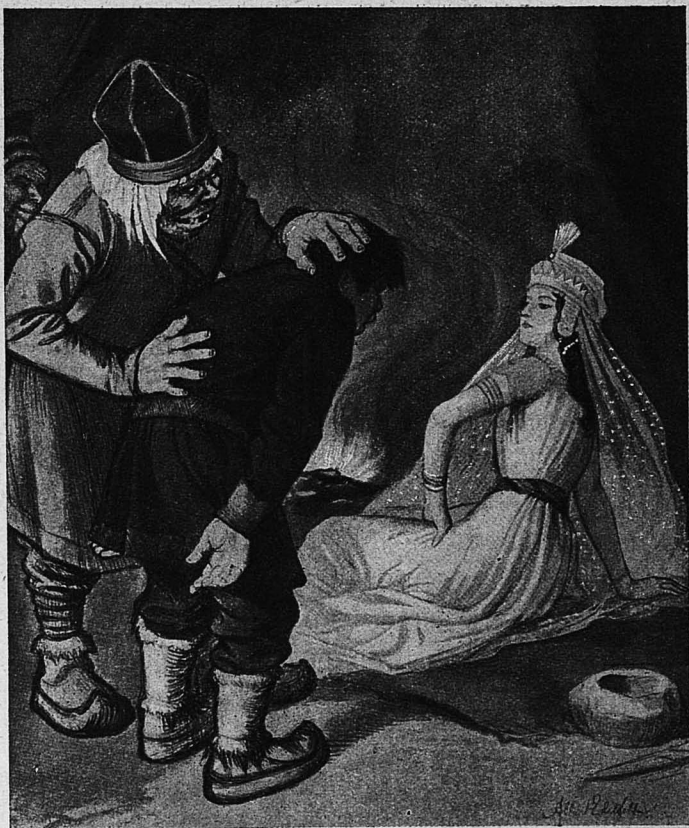
Колдунъ сказалъ царевнѣ:

— Моя жена говорить, что если ты согласишься взять себѣ въ мужа нашего сына, несравненнаго, прекраснаго, храбраго рыцаря Морусъ-Пандоруса фонъ-Пиккулукуликуккулу, то мы сейчасъ же отправимъ тебя обратно въ Персію.

Пимпепантури не понималъ по-персидски, но онъ вытаращилъ глаза, когда отецъ подтолкнулъ его къ царевнѣ и обѣими руками пихнулъ его въ неповоротливую спину, чтобы заставить его согнуться и изобразить нѣчто вродѣ поклона.

Златолипка не была бы царевной и дочерью гордаго Шахъ-Надира, если бы она не почувствовала себя оскорбленной такой неслыханной дерзостью. Она посмотрѣла на колдуна и на его косолапаго сына такимъ взоромъ,—нѣтъ, это былъ не взоръ: молнію метнули ея черные глаза, ибо въ Персіи умѣютъ метать молнію глазами,—такъ что и у отца, и у сына пробѣжали по кожѣ мурашки.

— Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ,—сказалъ колдунъ:—ее надо сперва усмирить.

У колдуна въ шалашѣ было отгороженное мѣсто длиною въ три аршина и шириною въ два. Тамъ онъ заперъ Златолипку и давалъ ей каждый день полъ-оленяго сыра и ковшъ талаго снѣга для питья. И вотъ наступила тьма, которая не прекращалась ни днемъ, ни ночью, потому что въ Лапландіи быстро наступаетъ зима; а сѣверное сіяніе было видно только сквозь щель въ шалашѣ.

Бѣдная невинная Златолипка метнула глазами молнію только одинъ разъ,—но развѣ она могла поступить иначе? Однако, во время грозы, вслѣдъ за молніей скоро слѣдуетъ дождь, а потому и слезы Златолипки не долго заставили себя ждать. Она плакала горячими слезами, какъ только можно плакать въ двѣнадцатъ лѣтъ въ ея ужасномъ положеніи. Да и не удивительно: вѣдь она была царевной Персіи, жила въ мраморномъ дворцѣ среди розовыхъ садовъ, ей прислуживали прекраснѣйшія дѣвушки, и вдругъ она очутилась въ холодной Лапландіи, въ грязномъ шалашѣ, терпѣла голодъ и холодъ. Да, она плакала, какъ плачутъ о погибшей жизни, какъ роса, которая оплакиваетъ прекрасный потухающій день въ великолѣпныхъ садахъ Испагани. А когда она выплакала всѣ

свои слезы, то заснула. И что же? Она вдруг увидала возлѣ себя стараго добродушнаго старичка, котораго финны называютъ Нукку-Матти, а шведы Юнъ-Блундъ, а датчане и норвежцы Оле-Лукой,—не знаю, какъ его зовутъ въ Персіи,—этотъ добрый старичокъ взялъ ее за руку, отвелъ ее въ прекрасный гротъ на островъ Сновидѣній и положилъ ее на мягкую постель изъ благоухающихъ розъ. Здѣсь все дышало тишиной и покоемъ. Кроткая луна освѣщала финиковыя пальмы и миртовые сады, совсѣмъ какъ въ Персіи въ самый расцвѣтъ весны; маленькіе воздушные цвѣточки плясали передъ царевной въ своихъ шелковыхъ туфелькахъ по бархатистому лугу и указывали ей путь домой, къ ея отцу, старому Шахъ-Надиру, къ ея милымъ подругамъ и ко всѣмъ дорогимъ ея сердцу мѣстамъ,—и такъ прошла долгая зимняя ночь. И такъ прошли недѣли, мѣсяцы въ безпрерывной ночи въ царствѣ Сновидѣній, ибо ночь тамъ не прекращалась, а Златолипка была терпѣлива и перестала плакать. Сновидѣнія сказали ей: „подожди, скоро придетъ твой освободитель!“

Но кто же освободить ее? Кто найдетъ дорогу въ непроходимыхъ снѣгахъ? Правда, старая

лапландка думала о томъ, чтобы освободить Златолипку, но она боялась мужа. Да и Пимпантури подумывалъ объ этомъ, но онъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы что-нибудь предпринять.

Такъ прошла зима; снова начало свѣтитъ солнышко; снѣгъ растаялъ, въ воздухѣ заплясали комары. Тогда колдунъ подумалъ: „ну, теперь она присмирѣла!“ Онъ подошелъ къ Златолипкѣ и спросилъ, не хочетъ ли она вернуться въ Персію. Для этого ей надо только согласиться взять въ мужья храбраго и несравненнаго рыцаря Морусъ-Пандоруса фонъ-Пиккулукуликуккулу,—и тогда къ ея услугамъ сейчасъ же будутъ олени и помчатъ ее на югъ.

На этотъ разъ Златолипка не метнула ужъ больше молніи; она только подумала о молодомъ принцѣ Абдерраманѣ, который уже одинъ разъ пролилъ свою кровь за нее на аренѣ Испгани, закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.

Колдунъ на этотъ разъ страшно разсердился. Недалеко отъ шалаша стояла высокая скала, а въ этой скалѣ была глубокая, мрачная пещера. Колдунъ заточилъ Златолипку въ эту пещеру и сказалъ ей:

— Скоро созрѣетъ морозика. Отсчитывай хорошенько каждый день, въ который ты не дашь мнѣ отвѣта. Въ первый день ты получишь тридцать ягодъ и тридцать капель росы, на второй день двадцать девять ягодъ и двадцать девять капель росы, и затѣмъ каждый день одной ягодой и одной каплей меньше. Въ послѣдній день я спрошу у тебя о твоёмъ рѣшеніи.

И вотъ въ продолженіе тридцати дней Златолипка оставалась въ пещерѣ. Между тѣмъ въ пустынной Лапландіи и день, и ночь сіяло солнце, но въ пещерѣ царила тьма. Количество ягодъ и капель росы уменьшалось съ каждымъ днемъ, но щеки Златолипки не блѣднѣли, и терпѣніе ея не истощалось. Происходило это отъ того, что Нукку-Матти возвѣщалъ ей въ сновидѣніяхъ то, чего она была лишена днемъ. Онъ раздвигалъ ночью своды пещеры, и она могла любоваться багровымъ сѣвернымъ полуночнымъ солнцемъ; она слышала шумъ водопада, который съ грохотомъ низвергался съ крутой скалы, и въ пещеру падала медовая роса, которая замѣняла бѣдной Златолипкѣ пищу и питье. Царевна мечтала о принцѣ Абдерраманѣ и пѣла восточныя пѣсни, и ее радовало, когда она слышала эхо, от-

кликавшееся въ окрестныхъ горахъ на тысячу ладовъ.

На тридцатый день колдунъ далъ ей послѣднюю морошку и послѣдную каплю росы въ берестѣ отъ карликовой березы.

— Ну, — спросилъ онъ, — скажи свое рѣшеніе?

Златолипка опять только закрыла руками свое милое личико и ничего не отвѣтила.

— Въ такомъ случаѣ я оставляю тебѣ еще одинъ день на размышленіе, — сказалъ колдунъ, — и я даже дамъ тебѣ пріятное общество.

При этихъ словахъ онъ открылъ дверь пещеры, и въ нее влетѣла цѣлая туча. Это были лапландскіе голодные комары; они влетали въ пещеру туча за тучей, пока не заполнили всего пространства какъ бы густымъ дымомъ.

— Желаю тебѣ пріятно провести время съ твоими новыми знакомыми, — сказалъ злой колдунъ, запирая дверь.

Златолипка не поняла его; она не имѣла понятія ни о комарахъ Лапландіи, ни о ядовитыхъ мухахъ Персіи, потому что на родинѣ при ней и день, и ночь находилась одна изъ дѣвушекъ съ длиннымъ опахаломъ, чтобы защищать ее отъ крылатыхъ насѣкомыхъ. Но

судьба пощадила ее, и ей не пришлось испытать человѣческую злобу. Едва колдунъ заперъ за собою дверь, какъ ее окружила тончайшая кисея, которую соткали ей феи сновидѣній. Сквозь эту кисею комары не могли проникнуть,—имъ не пришлось полакомиться царской кровью. Они жалили изо всѣхъ силъ твердый гранитъ, но эта пища пришлась имъ не по вкусу, и они въ концѣ концовъ расположились по всѣмъ стѣнамъ и трещинамъ скалы, на подобіе сплошной сѣрой паутины.

Въ полночь дверь пещеры тихо растворилась, и вошла лапландка Пипмедора съ кружкой въ рукахъ, а за ней вошелъ Пимпепантури съ горящей лучиной.

— Бѣдное дитя,—сказала добрая лапландка,—мнѣ жаль тебя, но я не смѣю выпустить тебя на волю, потому что мой мужъ превратилъ бы меня за это въ крысу. Вотъ посмотри, я принесла тебѣ немного смолы; намажь себѣ ею все тѣло, это лучшее средство противъ комаровъ, иначе они съѣдятъ тебя.

— А я принесъ тебѣ копченую оленью лопатку, чтобы ты не умерла съ голоду,—сказалъ добродушный Пимпепантури.—Она уже немного обглодана, потому что я очень про-

голодался по дорогѣ, но все-таки на ней еще есть мясо. Я укралъ у отца ключъ отъ пещеры, пока онъ спалъ; но не смѣю выпустить тебя отсюда, потому что отецъ превратилъ бы меня за это въ росомаху. Но, пожалуйста, не думай, что ты обязана взять меня за это въ мужа; я увѣренъ, что ты даже не сумѣешь сварить для меня хорошей кровяной колбасы.

— Нѣтъ, этого я, конечно, не смѣю, — отвѣтила царевна Златолипка и горячо поблагодарила мать и сына за ихъ доброту; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имъ сказала, что ничуть не голодна, и что комары ее вовсе не беспокоятъ.

— Ну, все-таки, оставь на всякій случай смолу, — сказала старая лапландка на прощанье.

— Да и копченую оленью лопатку также оставь себѣ, — сказалъ Пимпепантури.

— Спасибо вамъ, — сказала Златолипка.

Дверь снова заперлась, и такъ прошла вся ночь. На слѣдующее утро въ пещеру вошелъ колдунъ, увѣренный, что его плѣнница при-
смирѣла настолько, насколько онъ этого желалъ; онъ думалъ, что найдетъ ее полумертвой отъ укусовъ комаровъ. Но когда онъ нашелъ Златолипку такой же цвѣтущей, какъ и прежде, и увидалъ, что вмѣсто отвѣта

она только снова закрыла свое лицо руками, то зlobѣ его не было границъ.

— Иди за мной!—сказалъ онъ ей.

Златолипка вышла изъ пещеры на яркій дневной свѣтъ и казалась такой же легкой и воздушной, какъ эльфъ въ лунномъ свѣтѣ. Когда она откинула покрывало съ своего лица, чтобы полюбоваться днемъ, то солнечные лучи заглянули въ ея сіяющіе глаза такъ же ласково, какъ и солнце, которое свѣтило весною надъ синими горами ея далекой родины.

Колдунъ сказалъ:

— Я могъ бы отправить тебя царю великановъ Бомъ-Бали въ Туранъ; онъ съ радостью навѣючилъ бы шесть ословъ золотомъ, лишь бы имѣть тебя въ своихъ рукахъ хоть на одинъ день. Но я принялъ другое рѣшеніе! Ты превратишься въ цвѣтокъ вереска на лугу Лапландіи и будешь жить столько, сколько живетъ цвѣтокъ вереска. Посмотри на солнце, оно стоитъ уже очень низко на небѣ. Черезъ двѣ недѣли и одинъ день наступятъ первые морозы, и тогда цвѣты вереска умираютъ. Наканунъ этого послѣдняго дня я приду узнать твое рѣшеніе въ послѣдній разъ.

Сказавъ это, онъ замолчалъ, какъ бы ожидая получить сейчасъ же желаемый отвѣтъ, но Златолипка снова только закрыла свое лицо руками и не произнесла ни слова. Тогда колдунъ крикнулъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ:

— Адама—данаи—марраба—таёсанъ!

Это означаетъ на языкѣ природы: „Жизнь человѣческая, перейди въ подобіе цвѣтка“. Колдунъ выучился этимъ словамъ у южнаго вѣтра, прилетѣвшаго прямо изъ Африки и улегшагося отдыхать въ Лапландскихъ горахъ. А вѣтеръ знаетъ всѣ слова, потому что всѣ слова говорятся на вѣтеръ.

При этихъ ужасныхъ словахъ Златолипка показалось, что цвѣты на лугу превратились въ цѣлыя деревья и осынили ее своей тѣнью, но это показалось ей потому, что она сама стала маленькой и выросла въ землю. Въ слѣдующее мгновеніе уже никто не могъ бы отличить ее отъ тысячи другихъ блѣднорозовыхъ цвѣточковъ вереска, которые жили и умирали на пустынныхъ поляхъ Лапландіи.

— Ровно черезъ двѣ недѣли! — пробормоталъ колдунъ и съ мрачнымъ видомъ вернулся въ свой шалаашъ.

Пока все это происходило въ Лапландіи, принцъ Абдерраманъ скитался по всему свѣту съ саблей на боку и посохомъ въ лѣвой рукѣ. Не было такой горы въ Азій, такой пустыни въ Африкѣ, такого поля, деревни или города въ южной и средней Европѣ, которыхъ онъ не исходилъ бы вдоль и поперекъ. Но въ Европѣ не было другихъ тигровъ, кромѣ тѣхъ, что показывали укротители звѣрей въ городахъ жадной на зрѣлища толпѣ; но даже и среди этихъ тигровъ онъ не нашелъ Аримана. Печально ѣхалъ принцъ верхомъ обратно въ Персію, а за нимъ слѣдовала его вѣрная собака Валледи́вау. Но вотъ однажды случилось, что собака погналась за дикой уткой въ тростникахъ одного озера; она поймала утку и принесла ее живой своему хозяину. Принцъ уже хотѣлъ убить ее, какъ вдругъ она закричала:

— Подари мнѣ жизнь, а я тебѣ за это скажу что-то!

— Я подарю тебѣ жизнь, странная птица,—сказалъ удивленный принцъ.—Что ты хочешь сказать мнѣ?

— Отправляйся въ Лапландію!—крикнула снова утка и исчезла въ тростникахъ.

Лапландія? Никогда принцъ не слыхалъ о

такой странѣ. Онъ сталъ разспрашивать о царѣ Лапландскомъ и о томъ, гдѣ эта страна, и ему отвѣтили:

— Ступай на сѣверъ, все время на сѣверъ, и не останавливайся до тѣхъ поръ, пока не кончится дорога, пока не кончится лѣсъ, и ты не увидишь больше людского жилья съ настоящимъ очагомъ!

„Странно!“ подумалъ принцъ. Но онъ послушался совѣта и поѣхалъ на сѣверъ; онъ ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока не кончилась дорога, не кончились лѣса и не исчезли изъ виду человѣческія жилища за исключеніемъ переносныхъ шалашей. Былъ послѣдній день августа, солнце еще свѣтило, поля еще зеленѣли, но небо уже приобрѣло зеленоватую окраску, а съ сѣвера дулъ прохладный вѣтеръ, вслѣдъ за которымъ должны были наступить морозы.

Принцъ ѣхалъ уже нѣсколько дней и не встрѣтилъ ни одной души. Но вотъ у подножья высокой скалы онъ нашелъ шалашъ изъ оленьихъ шкуръ. Онъ подѣхалъ ближе, чтобы еще разъ возобновить свои безплодные разспросы, и вдругъ увидалъ, къ своему неописуемому удивленію, крупную видную надпись на стѣнѣ скалы; эта надпись гласила: Златолипка.

Колдунъ Хирму высѣкъ это имя надъ входомъ въ пещеру, когда въ ней была заключена Златолипка, для того чтобы снова найти это мѣсто, если бы онъ переѣхалъ со своимъ шалапомъ въ другіе края.

Принцъ обнажилъ своей лѣвой рукой саблю и уже хотѣлъ ворваться въ шалапъ, но въ эту минуту къ нему навстрѣчу изъ шалапа вышелъ колдунъ Хирму, направлявшійся на поле, гдѣ росъ верескъ.

— Отдай мнѣ царевну Златолипку! или я отправлю тебя въ царство Аримана!—воскликнулъ принцъ.

Колдунъ былъ очень хитеръ и не разъ спасалъ себя, благодаря своей изворотливости, но при этой неожиданной встрѣчѣ онъ совсѣмъ растерялся.

Онъ моментально превратился въ лисицу, такъ какъ не придумалъ ничего лучшаго, и бросился бѣжать по направленію къ горамъ. Онъ думалъ, что такимъ образомъ спасется отъ сабли принца, но онъ забылъ про собаку, слѣдовавшую за своимъ хозяиномъ. Едва Валледивау увидалъ лисицу, какъ сейчасъ же погнался за ней. Лисица ловко пробиралась по разсѣлинамъ скалъ и перепрыгивала черезъ

обрывы, но Валледивау бѣжалъ еще быстрее, онъ нагналъ лисицу на верхушкѣ горы, разорвалъ ее на мелкіе клочки и съѣлъ ея сердце. Такимъ образомъ, для колдуна Хирму наступила смерть, потому что погибло его сердце.

Когда собака возвратилась къ принцу съ окровавленной мордой, то онъ понялъ, что врагъ его погибъ. Но гдѣ же Златолипка?

Принцъ вошелъ въ шалашъ.

Лапландка Пимпедора варила оленье мясо, а ея сынъ Пимпепантури спалъ на мягкомъ мхѣ въ ожиданіи обѣда.

— Старуха, — сказалъ принцъ, — твой мужъ умеръ, отдай мнѣ Златолипку, и тогда я не причиню тебѣ никакого зла!

— Ахъ, батюшки, да неужели онъ умеръ? — воскликнула лапландка, повидимому, не особенно огорченная печальнымъ извѣстіемъ. — Да, такого конца и надо было ожидать, послѣ всѣхъ его злыхъ штукъ. А Златолипку вамъ придется искать вонъ тамъ на полѣ среди вереска. Мой мужъ превратилъ ее въ цвѣтокъ вереска, какихъ на полѣ растутъ тысячи; а ночью будетъ морозъ, — и тогда ей придетъ конецъ.

— Ахъ, моя милая, ненаглядная Злато-

липка, неужели ты умрешь ночью, а я не найду даже того стебля, на которомъ ты увянешь!—воскликнулъ принцъ и въ отчаяніи бросился на поле, поросшее верескомъ, гдѣ тысячи блѣднорозовыхъ цвѣточковъ, какъ двѣ капли воды походившихъ другъ на друга, ожидали своей смерти.

— Подождите, сказала лапландка. — Я вспомнила теперь тѣ слова, посредствомъ которыхъ мой мужъ превратилъ Златолипку въ верескъ. Мнѣ такъ жалко было бѣдную дѣвочку, я спряталась за камень и слышала все, что происходило. Я слышала, какъ мужъ сказалъ:

„Адама данаи марраба таёсанъ!“

— Ахъ, — вздохнулъ принцъ, — что намъ до этого, разъ мы не знаемъ тѣхъ словъ, которыми чары разрушаются!

Пимпепантури надоѣло ждать обѣда; онъ тоже вышелъ изъ шалаша и пошелъ искать мать. Когда онъ услышалъ отчаянные рыданія принца, то онъ почесалъ себѣ затылокъ, стараясь припомнить что-то, и вдругъ сказалъ:

— Когда отецъ хотѣлъ разрушить волшебныя чары, то онъ ставилъ слова въ другомъ порядкѣ.

— Правда, — такъ онъ и дѣлалъ, — подтвердила лапландка.

Принцъ Абдерраманъ проникся слабой надеждой; онъ всталъ на камень и крикнулъ такъ громко, какъ только могъ, на все необозримое поле:

— Марраба таёсанъ данаи адама!

Но слова замерли, и ни одинъ цвѣточекъ не шевельнулся; а солнце быстро спускалось къ горизонту, и вѣтеръ стихалъ.

Принцъ боялся, что онъ невѣрно произносить слова на незнакомомъ языкѣ, и повторялъ слова много разъ въ различномъ порядкѣ и съ разными видоизмѣненіями. Но тщетно! Только одинъ разъ ему показалось, что одинъ верескъ на отдаленномъ холмѣ какъ будто немного поднялся и сталъ прислушиваться, но и онъ снова поникъ и сравнялся съ остальными вересками на необозримомъ, однообразномъ и безнадежно молчаливомъ полѣ.

— Солнце заходить, — сказала лапландка. — Если вы не найдете настоящихъ словъ, то наступитъ морозъ, и тогда уже будетъ поздно.

Багровый дискъ солнца уже почти совсѣмъ касался линіи горизонта; въ природѣ

наступила мертвая тишина; холодный вечерний туманъ, предвѣстникъ мороза, уже застилалъ тонкой дымкой поля и холмы. Все, что росло на землѣ, что осмѣливалось цвѣсти въ суровой Лапландіи, было приговорено къ смерти.

Принцъ Абдерраманъ поблѣднѣлъ, его охватило отчаяніе, и голосъ измѣнилъ ему. Едва слышнымъ голосомъ произнесъ онъ послѣднія слова, которыя онъ еще не произносилъ:

— Марраба данаи адама таёсанъ!

И что же? Вдругъ на отдаленномъ холмѣ поднялся стебель вереска. Онъ росъ съ такой быстротой, съ какою растутъ въ Персіи лиліи на синихъ горахъ при утренней зарѣ, по мановенію волшебнаго жезла феи. На холмѣ уже спускался туманъ, и вотъ изъ тумана вдругъ поднялась стройная фигура; а когда принцъ добѣжалъ до холма, едва переводя дыханіе, то къ нему навстрѣчу сдѣлала нѣсколько шаговъ сама царевна Златолипка, блѣдная, какъ только можетъ быть блѣденъ человѣкъ, уже ощутившій на себѣ ледяное дыханіе смерти. Только въ послѣднее мгновеніе принцъ нашелъ тѣ слова, которыя спасли ее.

Принцъ Абдерраманъ отнесъ блѣдную ца-

ревну въ шалашѣ, и тамъ съ помощью доброй лапландки къ ней понемногу вернулись силы. Пимпедора была этимъ очень счастлива, а Пимпепантури на радостяхъ забылъ даже про обѣдъ, котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, и каша успѣла пригорѣть между тѣмъ въ котлѣ. А принцъ Абдерраманъ упалъ отъ невыразимаго счастья въ обморокъ, хотя это почти никогда не случается съ героями. Первыми его словами, когда онъ пришелъ въ себя, была молитва Аллаху, а послѣ этого онъ спросилъ Златолипку, что она чувствовала, когда была въ образѣ цвѣтка.

— Я чувствовала себя такъ, какъ если бы меня снова положили въ колыбельку; я не сознавала больше ничего, я только пила, спала и радовалась,—отвѣчала Златолипка.

— А что чувствуешь, когда снова просыпаешься къ жизни?

— То же самое, что чувствуешь, когда просыпаешься въ ясное утро послѣ глубокаго и пріятнаго сна.

— Завтра мы отправимся въ Персію!

— Хорошо, — отвѣтила Златолипка. — Но эта добрая женщина и ея сынъ были добры къ бѣдной плѣнницѣ Златолипкѣ. Мы возьмемъ

ихъ съ собой, и они будутъ жить во дворцѣ въ Испани.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣтила Пимпедора:— я предпочитаю мой шалашъ изъ оленьихъ шкуръ здѣсь, въ Лапландіи.

— А есть ли въ Персіи снѣгъ и олени? спросилъ Пимпепантури.

— Снѣгъ тамъ только на самыхъ высокихъ горахъ, а вмѣсто оленей у насъ антилопы и газели,—отвѣтила царевна.

— Ну, въ такомъ случаѣ, спасибо,—отвѣтилъ Пимпепантури,—ты можешь уѣхать и выходить замужъ за кого хочешь. Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ другой такой хорошей страны, какъ Лапландія!

Объ этомъ спорить, конечно, не стоило. Принцъ и царевна уехали на слѣдующій день, одаривъ передъ отъѣздомъ лапландку и ея сына своими драгоценными одеждами со множествомъ драгоценныхъ камней. А сами они одѣлись въ лапландское платье изъ оленьихъ шкуръ.

Лапландка спрятала драгоценную одежду въ берестяной коробъ и очень радовалась, рассчитывая въ умѣ, что за это можно получить цѣлый кулъ муки.

Шахъ-Надиръ сидѣлъ одинъ въ своемъ

дворцѣ въ Испагани; онъ посѣдѣлъ отъ горя и ни на минуту не забывалъ свою дочь. Его неблагодарные сыновья возстали противъ него и направились со своими войсками на столицу Персіи, чтобы свергнуть съ престола своего отца. Однажды великій визирь доложилъ царю Шахъ-Надиру, что молодой дикарь, въ звѣриныхъ шкурахъ, съ молодой дикаркой и собакой желаетъ припасть къ ногамъ царя. Шахъ-Надиръ никогда не отказывалъ чужестранцамъ въ приѣмѣ: въ немъ всегда таилась надежда, что, можетъ быть, такой чужестранецъ знаетъ что-нибудь о его несчастной дочери. Дикаря и дикарку привели къ нему; дикарь упалъ къ ногамъ шаха, а дикарка такъ безцеремонно бросилась къ нему на шею, что великій визирь позеленѣлъ отъ страха и негодованія. Но Шахъ-Надиръ узналъ даже въ одеждѣ лапландки свою ненаглядную, безнадежно оплакиваемую дочь.

— Аллахъ, Аллахъ,—воскликнулъ онъ,—теперь я съ радостью готовъ умереть!

— Нѣтъ, царь, — воскликнулъ принцъ Абдерраманъ, — теперь ты долженъ жить, чтобы радоваться нашему счастью и возвратить себѣ царство.

Когда Шахъ-Надиръ узналъ, какъ по-

хитили его дочь, и какъ самоотверженно ее спастъ принцъ, онъ сейчасъ же объявилъ принца Абдеррамана наслѣдникомъ престола, обѣщалъ ему руку своей дочери, царевны Златолипки, и послалъ его во главѣ пятидесяти тысячъ всадниковъ, на коняхъ съ золотыми уздечками, усмирять возставшія войска. Очень скоро принцъ одержалъ блестящую побѣду своей мужественной лѣвой рукой, взялъ въ плѣнъ возставшихъ царскихъ сыновей и съ триумфомъ вернулся въ ликующую Испаню. Тогда пышно отпраздновали свадьбу Абдеррамана и царевны Златолипки,—но во время свадебныхъ торжествъ звѣринаго боя не было. Послѣ этого молодые жили долго въ полномъ счастіи и согласіи. Но разъ въ годъ, а именно тридцать перваго августа,—день освобожденія царевны изъ плѣна,—царская чета показывалась, къ величайшему удивленію любящихъ роскошь персовъ, въ бѣдной одеждѣ изъ оленьихъ шкуръ: въ своемъ счастіи они не забывали дней бѣдствій.

Шахъ-Надиръ дожилъ до преклоннаго возраста, качалъ на колѣняхъ внучатъ, а его злые сыновья кончили свою жизнь свинопасами у царя великановъ Бомъ-Бали въ Туранѣ. Со-

бака Валледивау дожила до тридцати лѣтъ, умерла отъ зубной боли, и изъ нея съ великими почестями набили чучело. А что касается до Пимпедоры и Пимпепантури, который нѣкогда удостоился громкаго имени Морусъ-Пандоруса фонъ-Пиккулукуликукулу, то о нихъ въ Персію не доходило больше никакихъ вѣстей. По всей вѣроятности, они такъ и не нашли на землѣ болѣе прекрасной страны, чѣмъ Лапландія.

Сампо Лапченокъ
Виллеръ Родуанъ

Лапченокъ
Виллеръ
Родуанъ

Сампо - Лапченокъ.

Жиль-быль* старый лапландецъ со своей женой лапландкой. А знаешь ли ты, что такое лапландцы?

Лапландцы, это—народъ, который живетъ на самомъ сѣверѣ, гораздо сѣвернѣе шведовъ, норвежцевъ и финновъ. Тамъ нѣтъ ни луговъ, ни хорошихъ лѣсовъ, ни настоящихъ домовъ; а есть одни громадныя пустынные болота, высокія горы и маленькіе шалаши; въ нихъ люди заползаютъ черезъ маленькія отверстія. Вотъ тамъ-то и живутъ лапландцы. Удивительная эта страна. Полгода у нихъ царить почти непрерывный свѣтъ, и лѣтомъ солнце

совсѣмъ не заходить; а почти полгода страна находится во мракѣ, такъ что звѣзды свѣтять зимою весь день. Зима продолжается десять мѣсяцевъ, и все время стоитъ хорошій санный путь; тогда маленькіе лапландцы и лапландки катаются по снѣгу на саночкахъ, которыя называются „пульками“, и въ эти „пульки“ впряжены не лошади, а олени. Видѣлъ ли ты когда-нибудь сѣвернаго оленя? Онъ величиною съ небольшую лошадь, шерсть у него сѣрая, шея короче, чѣмъ у лошади, на небольшой красивой головѣ большіе вѣтвистые рога, глаза у него большіе и ясные. Онъ несется по горамъ и холмамъ съ быстротой вѣтра, и тогда копыта его постукиваютъ другъ о друга.

Итакъ, жили-были лапландецъ съ лапландкой. Они жили въ глубинѣ Лапландіи, въ мѣстности, называемой Аймію, на большой рѣкѣ Теноіоки или Тана. Эту рѣку ты найдешь на картѣ Финляндіи на самомъ сѣверѣ, гдѣ обозначена и Лапландія. Эта мѣстность пустынна и дика, но лапландецъ и лапландка были увѣрены, что нигдѣ нѣтъ такого бѣлаго снѣга, такихъ ясныхъ звѣздъ и такого великолѣпнаго сѣвернаго сіянія, какъ въ Аймію. Они построили себѣ шалашъ такой, какой

обыкновенно строить лапландцы. Настоящія деревья не растутъ въ тѣхъ краяхъ, тамъ растутъ только маленькія, чахлыя березки, скорѣе похожія на кусты, нежели на деревья. Откуда же достать лѣсъ для избы? А потому лапландцы взяли тонкія, длинныя жерди, воткнули ихъ въ снѣгъ, а верхніе скрещенные концы ихъ связали. Жерди они покрыли оленьими шкурами, и получилось такимъ образомъ нѣчто вродѣ сѣрой сахарной головы,— и вотъ шалашъ готовъ. Въ верхушкѣ этой сахарной головы они сдѣлали отверстіе, чтобы выходилъ дымъ, когда они разводили въ шалашѣ огонь; а внизу шалаша съ южной стороны оставили еще одно отверстіе, черезъ которое можно было вползать въ шалашъ и выползать изъ него. Таковъ былъ шалашъ лапландцевъ, и они находили его теплымъ и уютнымъ, и чувствовали себя въ немъ прекрасно, хотя у нихъ не было для спанья ни кроватей, ни даже пола, а только голый снѣгъ.

У лапландца съ женой былъ маленькій мальчикъ, котораго звали Сампо, что по-лапландски означаетъ „счастье“. Однако, у Сампо прибавилось скоро еще вторсе имя. Однажды

въ его шалашъ пришли чужіе люди въ большихъ шубахъ и попросили пристанища на нѣкоторое время. У нихъ были съ собой бѣлые, твердые кусочки снѣга, какихъ лапландка никогда раньше ни видала; чужіе люди ихъ называли сахаромъ. Они дали нѣсколько кусочковъ этого сладкаго снѣга Сампо, похлупавъ его при этомъ по щекѣ и приговаривая: „Лапченокъ! Лапченокъ!“ Больше они ничего не могли сказать понятнаго, потому что не говорили по-лапландски. А потомъ эти люди отправились дальше на сѣверъ, къ Ледовитому океану, на самый сѣверный мысъ Европы, который называется Нордкапомъ. Старой лапландкѣ очень понравились эти чужіе люди и ихъ сладкій снѣгъ; а потому она начала съ тѣхъ поръ называть своего сына Лапченкомъ.

— Я нахожу, что имя Сампо гораздо красивѣе,—говорилъ съ досадой старый лапландецъ.—Сампо означаетъ счастье и богатство, и, послушай меня, мать, не порти ты этого имени! Вотъ увидишь, что нашъ Сампо сдѣлается со-временемъ королемъ лапландцевъ и будетъ царить надъ тысячью оленями и пятьюдесятью лапландскими шалашами. Вотъ увидишь, вотъ увидишь!

— Да, но мнѣ очень нравится имя Лап-
ченокъ,—сказала лапландка. И она продол-
жала называть мальчика Лапченкомъ, а ста-
рикъ называлъ его по-старому Сампо. Надо ска-
зать, что мальчика еще не крестили, потому
что въ тѣхъ краяхъ тогда не было священни-
ка ближе, чѣмъ на разстояніи двадцати миль.

— На будущій годъ мы поѣдемъ къ священ-
нику окрестить мальчика,—говорилъ время
отъ времени старій лапландецъ. — Но на бу-
дущій годъ являлись какія-нибудь препятствія,
путешествіе къ священнику откладывалось, и
мальчикъ оставался некрещенымъ.

Сампо-Лапченокъ былъ маленькій, корена-
стый мальчикъ лѣтъ семи-восьми; у него были
черные волосы, каріе глаза, вздернутый ши-
рокій носъ и большой ротъ съ толстыми гу-
бами, совѣмъ, какъ у папаши; въ Лапландіи
это считается красивымъ. Для своихъ лѣтъ
Сампо былъ очень самостоятеленъ и ловокъ.
У него были маленькія лыжи, на которыхъ
онъ спускался съ крутыхъ береговъ Таны;
былъ у него также свой собственный малень-
кій олень, и онъ запрягалъ его въ свою соб-
ственную „пульку“. Ахъ, какъ взвивался во-
кругъ него снѣгъ, когда онъ неся на своемъ

олень по высоким сугробамъ! Маленького Лапченка совсѣмъ не видно было изъ-за снѣжныхъ облаковъ, только мелькалъ сквозь бѣлую дымку его черный хохолокъ.

— Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не окрестимъ мальчика,—сказала старая лапландка.—На него могутъ напасть волки въ горахъ. Или же онъ встрѣтитъ оленя Хиси, съ золотыми рогами, и тогда—Боже спаси того, кто не крещенъ.

Сампо услыхалъ, что говорила мать, и его заинтересовалъ олень съ золотыми рогами.

— Вотъ, должно быть, великолѣпный олень,—сказалъ онъ.—Хорошо бы поѣхать на немъ прямо на Растекайсь!

Растекайсь—это очень высокая, пустынная гора, которая видна не только изъ Аймю, но и на пять или на шесть миль кругомъ.

— Перестань болтать вздоръ, дурной мальчикъ!—бранила его мать.—На Растекайсь колдовское гнѣздо, и тамъ живетъ Хиси.

— Хиси? Кто это такой?—спросилъ Сампо.

Старая лапландка смутилась.

„Что за уши у этого мальчика!“ подумала она. „И зачѣмъ это я говорю при немъ о такихъ вещахъ? Но не мѣшаетъ разъ на-

всегда отбить у него всякую охоту подниматься на Растекайсь“.

И она сказала:

— Милый Лапченочъ, никогда не ѣзди на Растекайсь: тамъ живетъ великанъ Хиси, страшный горный король, который заразъ проглатываетъ цѣлаго оленя, а маленькихъ мальчиковъ онъ проглатываетъ цѣлыми кучами, какъ комаровъ.

Сампо глубоко задумался надъ этими словами, но ничего не сказалъ. Про себя онъ подумалъ:— „А интересно было бы посмотрѣть на такое диво, какъ горный король,—но только издалека!“

Прошло уже недѣли три или четыре послѣ Рождества, а въ Лапландіи все еще царилъ тьма. Не было ни утра, ни полудня, ни вечера—была одна только непрерывная ночь; луна сіяла, сѣверное сіяніе горѣло на темномъ небосклонѣ, а яркія звѣзды непрерывно свѣтили цѣлыя сутки. Сампо заскучалъ. Онъ такъ давно не видалъ солнца, что почти забылъ, какое оно; а когда кто-нибудь заговаривалъ о лѣтѣ, то Сампо вспоминалъ только, что лѣтомъ много бываетъ комаровъ и что они его чуть не до смерти заѣдаютъ. И Сампо пола-

галь, что лѣто могло бы никогда и не наступать, лишь бы настолько разсвѣло, что можно было бы кататься на лыжахъ.

Однажды, около полудня, старый лапландецъ сказалъ:

— Иди-ка сюда, я тебѣ что-то покажу!

Сампо выползъ изъ шалаша и посмотрѣлъ на югъ, куда указывалъ отецъ. На небѣ, на самомъ краю, онъ увидалъ узенькую красную полосу.

— Знаешь ли ты, что это такое?—спросилъ его отецъ.

— Это южное сіяніе, — сказалъ мальчикъ. Онъ хорошо зналъ страны свѣта и понималъ, что сѣверное сіяніе не могло быть на югъ.

— Нѣтъ, — сказалъ отецъ, — это предвѣстникъ солнца. Завтра или послѣзавтра намъ удастся, можетъ, увидеть и само солнце. Посмотри, какъ странно красный свѣтъ освѣщаетъ вершину Растекайса!

Сампо посмотрѣлъ на западъ и увидалъ, что снѣгъ на мрачной вершинѣ Растекайса окрашенъ въ красный цвѣтъ. И снова у него промелькнула мысль о томъ, какъ было бы интересно взглянуть издалека на горного короля.

Сампо думалъ о горномъ королѣ весь день

и полъ-ночи. Спать онъ совѣмъ не могъ. Кончилось тѣмъ, что онъ сбросилъ потихоньку оленьи шкуры, въ которыхъ лежалъ, и выползъ изъ отверстія шалаша наружу. Стоялъ трескучій морозъ, звѣзды ярко горѣли на небѣ, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Но Сампо-Лапченокъ былъ не изъ изнѣженнаго десятка; холода онъ ничуть не боялся. А кромѣ того онъ былъ тепло одѣтъ: на немъ была мѣховая куртка, мѣховые штаны, лапландскіе сапоги, мѣховая шапка и мѣховыя варежки.

Вдругъ Сампо услышалъ, какъ недалеко отъ него его маленькій олень скребетъ копытомъ снѣгъ.

„Не прокатится ли мнѣ?“ подумалъ Сампо.

Сказано—сдѣлано. Сампо ловко запрегъ оленя въ „пульку“ и быстро понесся по большой пустынной, снѣжной равнинѣ. „Поѣду-ка я къ Растекайсу, но только недалеко“, подумалъ онъ. Онъ направилъ своего оленя черезъ замерзшую рѣку на другой берегъ Таны, и такимъ образомъ очутился въ королевствѣ Норвегіи, такъ какъ рѣка Тана представляетъ собой границу Норвегіи. Но этого Сампо не понималъ.

Сампо-Лапченко сидѣлъ въ своей „пулькѣ“
и распѣвалъ:

Коротокъ день
И дологъ путь:
Бѣги, олень,
Живѣ будь!
Летимъ скорѣй,
Я буду пѣть:
Среди полей
Не утерпѣть!
Спѣши, олень!
Здѣсь жутко намъ,
Здѣсь мѣсто лишь
Однимъ волкамъ!

Въ то время, какъ Сампо пѣлъ, волки, точно сѣрыя собаки, бѣжали за санями, но Сампо не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ зналъ, что ни одинъ волкъ не можетъ догнать его милаго оленя. У-ухъ! Какъ несся онъ по холмамъ и сугробамъ! Только въ ушахъ свистѣло! Сампо-Лапченко наслаждался быстрой ѣздой, предоставляя оленю полную свободу. А олень только постукивалъ копытами; луна на небѣ неслась въ перегонки съ оленемъ, въ то время какъ высокія горы какъ будто

бѣжали назадъ. Но Сампо-Лалченкоу ничего этого не замѣчалъ,—ему было весело, и онъ ни о чемъ больше не думалъ.

Но вотъ на крутомъ поворотѣ, при спускѣ съ горы, „пулька“ опрокинулась, и Сампо вдругъ очутился въ сугробѣ. Олень не замѣтилъ этого и, думая, что Сампо сидитъ въ „пулкѣ“, продолжалъ свой быстрый бѣгъ. А у Сампо набилось въ ротъ столько снѣга, что онъ не могъ даже крикнуть. Онъ, какъ куль, лежалъ въ сугробѣ, а вокругъ него царила темная ночь, и въ большой необозримой равнинѣ не было ни одной человѣческой души на нѣсколько миль кругомъ.

Неудивительно, что Сампо въ первую минуту немного растерялся. Кое-какъ выкарабкался онъ изъ сугроба; оказалось, что онъ совсѣмъ не ушибся. Но что же изъ этого? Насколько хваталъ его глазъ при блѣдномъ свѣтѣ луны, онъ видѣлъ передъ собой только сугробы, снѣжные поля да высокія горы. Одна гора возвышалась надъ всѣми остальными, и Сампо догадался, что это была гора Растекайсь. Вдругъ онъ вспомнилъ, что на этой горѣ живетъ страшный горный король, который сразу проглатываетъ цѣлаго оленя, а малень-

кихъ мальчиковъ глотаешь, какъ комаровъ. Тутъ Сампо-Лапченокъ испугался не на шутку. Ахъ, какъ ему захотѣлось быть дома съ папой и съ мамой въ тепломъ шалашѣ! Но какъ ему попасть домой? А что если горный король найдетъ его въ сугробѣ и проглотитъ вмѣстѣ съ его штанами и варежками, какъ несчастнаго комара?

Сампо стало страшно и жутко при видѣ черной длинной тѣни, которую отбрасывала гора Растекайся, гдѣ жилъ горный король. Слезы не могли помочь бѣдѣ; да и къ чему было плакать, когда слезинки мгновенно превращались въ куски льда и скатывались горохомъ на его мохнатую куртку изъ оленьей шкуры. Поэтому Сампо рѣшилъ, что плакать не стоитъ, поднялся на ноги и началъ бѣгать, чтобы согрѣться.

— Если я буду здѣсь сидѣть, то я замерзну,—сказалъ онъ себѣ.—Нѣтъ, лучше пойду къ горному королю. Если онъ захочетъ меня съѣсть, такъ пусть ѣстъ! Но я все-таки скажу ему, что лучше было бы, если бы онъ съѣлъ волковъ; ихъ здѣсь много въ горахъ, и они пожирнѣе меня, да и хлопотъ съ ними

меньше,—не придется глотать шубы, которая на мнѣ надѣта.

Сказавъ это, Сампо началъ подниматься на высокую гору. Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ, что позади него захрустѣлъ снѣгъ; въ слѣдующее мгновеніе рядомъ съ нимъ очутился большой мохнатый волкъ. Маленькое сердечко Сампо сильно забилося, но онъ рѣшилъ и вида не показывать, что испугался.

— Эй, не загораживай мнѣ дорогу!—крикнулъ онъ волку.—У меня есть важное дѣло къ горному королю! Попробуй только меня обидѣть, — тогда шкурѣ твоей не сдобровать!

— Ну, ну, потише!—сказалъ волкъ (на Растекайсѣ всѣ звѣри умѣютъ говорить). — Кто ты такой, малышъ? И куда ты пробираешься по сугробамъ?

— Я—Сампо-Лапченокъ,—отвѣтилъ мальчикъ.—А ты кто такой?

— Я старшій вожакъ волковъ горнаго короля, — отвѣтилъ волкъ, — я рыскалъ по горамъ и доламъ и приглашалъ подданныхъ горнаго короля на большой праздникъ солнца. Разъ намъ по пути, то ты можешь сѣсть ко

мнѣ на спину и взобраться верхомъ на самую вершину горы.

Не долго думая, Сампо влѣзъ на мохнатую спину волка и понесся галопомъ черезъ разсѣлины и обрывы скалъ.

— А что это такое: праздникъ солнца?— спросилъ Сампо волка.

— Развѣ ты не знаешь?— удивился волкъ. — Когда въ Лапландіи послѣ долгой темной зимы солнце снова показывается на небосклонѣ, мы справляемъ праздникъ солнца. Тогда собираются всѣ звѣри и всѣ колдуны со всего сѣвера на Растекайсь, и въ этотъ день никто не смѣетъ причинять другому зло. Вотъ видишь, какъ тебѣ повезло, Сампо-Лапченокъ, иначе я уже давно съѣлъ бы тебя!

— А горный король тоже слушается этого закона?— спросилъ Сампо.

— Ну, конечно, — отвѣтилъ волкъ. — Все время, начиная за часъ до восхода солнца и кончая часомъ спустя послѣ заката, самъ горный король не посмѣетъ тронуть ни одного волоска на твоей головѣ. Но горе тебѣ, если ты хоть на одну минуту послѣ этого срока останешься на горѣ, — тогда сто тысячъ волковъ и тысяча медвѣдей бросятся на тебя, а горный король

схватить первого, кто ему попадется под руку,—и отъ маленькаго Сампо-Лапченка не останется и слѣда.

— Будь такъ добръ, помоги мнѣ выбраться отсюда назадъ, когда станетъ опасно,—попросилъ Сампо съ сильно бьющимся сердцемъ.

Волкъ расхохотался (на Растекайсѣ волки умѣютъ смѣяться).

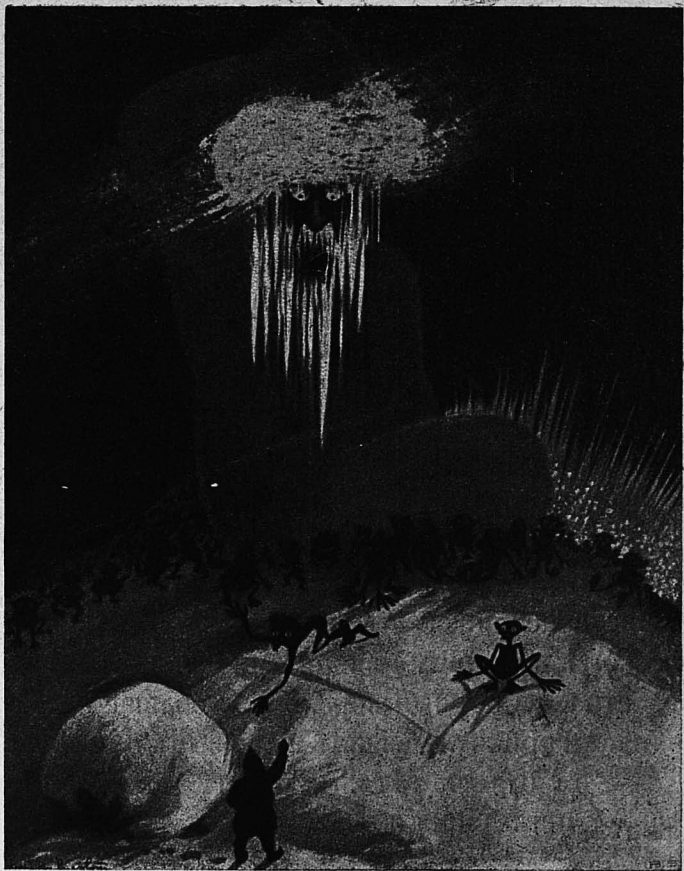
— И не воображай себѣ этого, милый Сампо,—сказалъ онъ.—Напротивъ, я первый постараюсь схватить тебя. Ты жирный и здоровый мальчуганъ; видно, тебѣ на пользу пошло оленье молоко и оленій сыръ. Отлично позавтракаю я тобою въ ранній утренній часъ.

Сампо пришло въ голову, не лучше ли сейчасъ же спрыгнуть со спины волка, но было уже поздно. Онъ очутился уже на вершинѣ горы, и глазамъ его представилось дивное зрѣлище.

На высокомъ тронѣ изъ поднебесныхъ скалъ сидѣлъ горный король и смотрѣлъ вдаль на горы и доли, тонувшіе въ ночномъ сумракѣ. Голову его покрывала шапка изъ снѣжнаго облака; глаза его походили на двѣ полныя луны, вышедшія изъ-за лѣса, носъ его былъ, какъ вершина горы, ротъ, какъ расщелина въ скалѣ,

борода, какъ масса ледяныхъ сосулекъ; руки у него были толщиной съ самыя толстыя горныя сосны, пальцы—какъ еловыя вѣтви, а его широкая шуба—цѣлая снѣжная гора. На Растекайсѣ сверкалъ снѣгъ, а на небѣ горѣло великолѣпнѣйшее сѣверное сіяніе и ярко освѣщало все кругомъ.

Милліоны горныхъ колдуновъ и гномовъ окружали горнаго короля. Гномы—крошечные и сѣренькіе, сѣменили своими маленькими ножками по снѣгу, оставляя едва замѣтный слѣдъ, не больше бѣличьяго. Колдуны и гномы собрались сюда съ самыхъ сѣверныхъ мѣстъ земного шара: съ Новой Земли, со Шпицбергена, съ Гренландіи, съ Исландіи, даже съ сѣвернаго полюса,—чтобы поклониться солнцу. Они поклонялись солнцу, какъ дикари поклоняются изъ страха злomu духу: они терпѣть не могли солнца, и если бы солнце никогда больше не появилось на небѣ, они были бы совершенно счастливы. За колдунами и гномами стояли длинными, плотными рядами всевозможныя большіе и малые звѣри, какіе только существуютъ въ Лапландіи; тамъ были и медвѣди, и волки, и росомахи, и кроткіе олени, и пеструшки, и рѣзвыя олени блохи. Не было

только комаровъ; съ ними случилось несчастье: они всё перемерзли за зиму.

Сампо-Лапченко, пораженный этимъ зрѣлищемъ, потихоньку слѣзъ съ волка и, притаясь за большимъ камнемъ, сталъ наблюдать, что происходило дальше.

Горный король поднялъ голову, и съ шапки его посыпался снѣгъ; сѣверное сіяніе, точно вѣнцомъ, окружило его голову; на синемъ фонѣ ночного неба загорѣлись длинные красноватые лучи; они трещали и шипѣли, вѣнецъ то суживался, то расширялся, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, такъ что по снѣгу одинъ за другимъ стремглавъ пробѣгали красные отблески. Горный король радовался этому зрѣлищу. Онъ захлопалъ своими ледяными ладонями, и отъ этого раздался громъ и прокатился по горамъ, а эхо повторило его безчисленное множество разъ. Колдуны завизжали отъ восторга, а звѣри закричали и завyli отъ страха. Горный король еще больше развеселился и крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ:

— Да будетъ такъ! да будетъ такъ! Пусть вѣчно царить зима и вѣчно царить ночь! Это я люблю!

— Да будетъ такъ! да будетъ такъ!—закричали колдуны во все горло, потому что всё они

гораздо больше любили зиму и ночь, чѣмъ лѣто и солнечный свѣтъ. Но среди животныхъ поднялся большой шумъ: хищные звѣри, а съ ними также и пеструшки, любили колдуновъ и были одного съ ними мнѣнія, но олени и остальные животныя, если бы не комары, ничего не имѣли бы противъ того, чтобы лѣто наступило хоть сейчасъ. Одна лишь маленькая оленья блоха требовала лѣта какъ можно скорѣе.

— Господинъ король, вѣдь мы собрались сюда, чтобы привѣтствовать появленіе солнца?— кричала она изо всѣхъ силъ.

— Да замолчишь ли ты, жалкое созданіе!— зарычалъ бѣлый медвѣдь, стоявшій рядомъ съ нею.— Мы собрались здѣсь справлять старый обычай и только. Мы повеселимся на-славу; на этотъ разъ солнце больше не взойдетъ, потому что оно погасло навсегда, оно умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло!—шептали звѣри, и вся природа содрогнулась. Колдуны съ сѣвернаго полюса захохотали такъ, что колпаки попадали у нихъ съ головъ. А страшный горный король снова возвысилъ свой громовой голосъ, который раздался по всей округѣ:

— Да будетъ такъ! Да будетъ такъ! Солнце умерло! Весь міръ падетъ ницъ передо

мною и поклонится мнѣ, вѣчному королю зимы и ночи!

Сампо-Лапченкоъ разсердился, услыхавъ за своимъ камнемъ эти слова. Онъ вышелъ изъ-за камня, вздернулъ свой крошечный носикъ и крикнулъ:

— Ты лжешь самымъ безсовѣстнымъ образомъ! Вчера я на небѣ видѣлъ предвѣстника солнца, я знаю, что солнце не умерло. Вотъ подожди, скоро борода твоя растаетъ, — тогда ты самъ увидишь, что солнце еще не умерло!

При этихъ словахъ чело горнаго короля потемнѣло, словно на него надвинулась черная грозовая туча; онъ забылъ законъ, которому всѣ шокорялись въ этотъ день, и уже поднялъ свою страшную, тяжелую руку, чтобы раздавить Сампо-Лапченка, какъ вдругъ сѣверное сіяніе поблѣднѣло, на горизонтѣ появилась красная полоска, и ледяное лицо горнаго короля озарилъ яркій лучъ; ослѣпленный на мгновение и пораженный неожиданностью, горный король опустилъ руку.

И вотъ, надъ горизонтомъ медленно и величественно показался край солнца, и золотые лучи освѣтили горы, сугробы, скалы, колдуновъ, животныхъ и маленькаго отважнаго

Сампо-Лапченка. Въ одно мгновеніе снѣгъ какъ бы покрылся множествомъ прекрасныхъ яркихъ розъ, а лучи солнца проникли въ глаза всѣхъ живыхъ существъ и въ самую глубину ихъ сердець. Даже тотъ, кто больше всего радовался, что солнце умерло, теперь радовался его появленію. Смѣшно было видѣть недоумѣніе колдуновъ; они смотрѣли на солнце и жмурили свои маленькіе глазки подъ красными ночными колпаками; кончилось тѣмъ, что они пришли въ полный восторгъ, такъ что встали на снѣгу вверхъ ногами. Борода страшнаго горнаго короля начала таять и ручьемъ полилась внизъ по его широкой шубѣ.

Однако, пока они всѣ смотрѣли съ такими разными чувствами на солнце, прошелъ почти цѣлый часъ. Сампо-Лапченкокъ услышалъ, какъ одинъ олень проговорилъ своему теленку:— Пойдемъ, пойдемъ, дѣточка! Надо скорѣе уходить отсюда, а то насъ съѣдятъ волки!— Тогда только Сампо вспомнилъ, какая ему грозитъ опасность, если онъ еще останется на горѣ. Рядомъ съ собой онъ увидалъ великолѣпнаго оленя съ вѣтвистыми, золочеными рогами; недолго думая, онъ прыгнулъ

оленью на спину, и олень стремительно быстро понесся вниз съ горы черезъ обрывы и крутизны.

— Что за странный шумъ я слышу позади насъ?—спросилъ Сампо оленя, переводя немного духъ отъ быстрой скачки.

— Это тысяча медвѣдей несутся за нами въ погоню; они хотятъ проглотить насъ,—отвѣтилъ олень.—Но не бойся: я олень самого горнаго короля, и ни одинъ медвѣдь никогда не догонитъ меня.

Черезъ нѣсколько времени Сампо опять спросилъ:

— Что за странное пыхтѣнье я слышу позади насъ?

Олень отвѣтилъ:

— Это гонятся сто тысячъ волковъ; они несутся за нами во весь духъ и хотятъ въ клочья разодрать и меня. Но не бойся: ни одному волку не удавалось еще перегнать меня.

Они проскакали такъ еще нѣкоторое время. Но вотъ Сампо-Лапченокъ снова спросилъ:

— Не громъ ли гремитъ въ горахъ позади насъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ олень и задрожалъ всѣмъ тѣломъ,—это самъ горный король, онъ

идеть на насъ своими гигантскими шагами, и теперь мы погибли оба, потому что отъ него никому не уйти.

— Неужели нѣтъ спасенья? — спросилъ Сампо.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ олень, — только если мы доскачемъ до дома священника, который стоитъ тамъ на берегу озера Экаре. Если это намъ удастся, мы спасены; горный король не имѣетъ никакой власти надъ крещеными.

— Ахъ, — сказалъ Сампо, — бѣги быстрѣй, мой милый олень, несись по горамъ и доламъ, я накормлю тебя золотымъ овсомъ изъ серебряныхъ яслей!

Олень не бѣжалъ, а летѣлъ, едва касаясь ногами земли. Наконецъ-то, чуть дыша, онъ очутился вмѣстѣ съ Сампо въ комнатѣ у священника, но горный король уже шумѣлъ на дворѣ и стучалъ такъ сильно въ дверь, что всѣ подумали, что изба развалится въ щепки.

— Кто тамъ? — спросилъ священникъ.

— Это я! — отвѣтилъ со двора громовой голосъ. — Отворите двери горному королю! У васъ некрещенный ребенокъ, а язычники принадлежатъ мнѣ.

— Подожди немного, я только надѣну на

себя священническое одѣяніе, я хочу достойнымъ образомъ встрѣтить такого почетнаго гостя!—отвѣтилъ священникъ.

— Ладно!—прорычалъ горный король,— да поторапливайся, а то я ногою выбью стѣну въ твоей избѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, ваша милость!—сказалъ священникъ.

Между тѣмъ, онъ наполнилъ чашу водой и окрестилъ Сампо-Лапченка по христіанскому обряду во имя Отца и Сына и Духа Святого.

— Ну, готовъ ты, что ли?—снова зарычалъ горный король и уже поднималъ свою страшную ногу, чтобы выбить стѣну.

Но въ это мгновеніе священникъ самъ раскрылъ дверь и сказалъ:

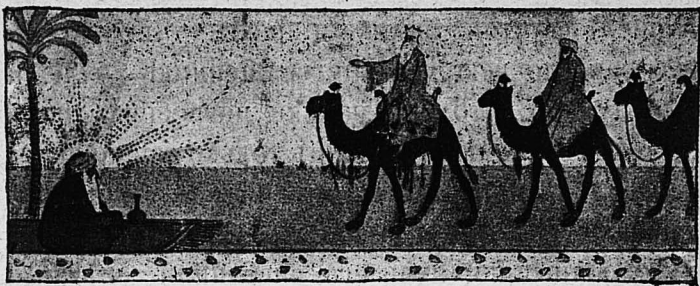
— Отойди, нечистый духъ, духъ ночи и зимы, ибо надъ этимъ ребенкомъ ты уже потерялъ власть! Господь осѣнилъ лучами Своего солнца маленькаго Сампо, и онъ принадлежитъ теперь не тебѣ, а Богу!

При этихъ словахъ горнымъ королемъ овладѣла такая ярость, что онъ тутъ же на мѣстѣ лопнулъ отъ злости, и въ то же мгновеніе разразилась такая страшная снѣжная метель, какую только можно себѣ вообразить.

Пошелъ густой снѣгъ, и шелъ такъ долго, что занесло всю усадьбу священника, и люди уже думали, что они навѣки погребены подъ ужасными сугробами. Одинъ только священникъ оставался спокойнымъ; онъ читалъ молитвы и ждалъ утра. А когда настало утро, то выглянуло солнышко; лучи его растопили снѣжные сугробы, усадьба священника была спасена. Горный гороль исчезъ, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался, но надо предполагать, что онъ живъ до сихъ поръ и царить на горѣ Растекайсѣ.

Сампо - Лапченко горячо благодарилъ священника за свое спасеніе. Добрый священникъ далъ ему „пульку“, и Сампо запрягъ въ нее оленя съ золочеными рогами и поѣхалъ къ своимъ родителямъ въ Аймію. Можно себѣ представить, какъ они обрадовались, когда такъ неожиданно возвратился ихъ дорогой сынъ.

Что касается того, какимъ образомъ Сампо-Лапченко сдѣлался важнымъ бариномъ, какъ кормилъ своего оленя золотымъ овсомъ изъ серебряныхъ яслей, то это совсѣмъ другая исторія, которую теперь слишкомъ долго рассказывать; это останется на другой разъ.

Мирза и Мирьямъ.

Въ богатой странѣ Аравіи нѣкогда жилъ царь; у него было семь сыновей и семь дочерей. При его дворѣ было много льстецовъ, которые постоянно твердили ему, что онъ самый мудрый и самый счастливый изъ всѣхъ смертныхъ. Но особенно они прославляли его за то, что у него столько дѣтей, и всѣ дѣти красивыя и здоровыя; конечно, это хорошо, но только когда у дѣтей сердца добрыя.

Далеко въ пустынѣ жилъ мудрецъ; это

былъ дервишъ по имени Энохъ,—онъ умѣлъ читать по звѣздамъ. Въ одинъ прекрасный день, когда царю наскучило постоянно слышать, какъ его придворные прославляютъ его великое счастье и его прекрасныхъ дѣтей, онъ велѣлъ осѣдлатъ своего верблюда и отправился въ пустыню къ дервишу.

— Энохъ,—сказалъ онъ ему,—я знаю, что ты мудрый и любишь правду; я видѣлъ сегодня ночью сонъ, объясни мнѣ его. Я видѣлъ во снѣ, что вокругъ моей палатки стоятъ семь величавыхъ кедровъ и семь прекрасныхъ финиковыхъ пальмъ; въ полдень я сталъ искать тѣни подъ ихъ вѣтвями, и тутъ я вдругъ увидалъ, что на шести кедрахъ сидятъ драконы, а на шести пальмахъ извиваются змѣи, — и всѣ эти чудовища, разверзая свои пасти, готовятся проглотить меня. Только одинъ изъ семи кедровъ и одна изъ семи пальмъ съ любовью осѣнили меня своей тѣнью.

— Царь,—сказалъ дервишъ,—то, что я слышу отъ тебя, меня ничуть не удивляетъ, потому что я уже прочелъ все это по звѣздамъ. Драконы и змѣи, это—шестеро изъ твоихъ сыновей и шесть изъ твоихъ дочерей; они будутъ

домогаться твоей смерти; лишь седьмой сынъ и седьмая дочь останутся тебѣ вѣрными.

— Благочестивый Энохъ, — сказалъ царь, — твое предсказаніе огорчило меня; но я не забуду твоихъ словъ и испытаю своихъ дѣтей; они теперь уже въ такомъ возрастѣ, что можно будетъ узнать, что они таятъ въ своихъ сердцахъ.

— Сдѣлай это, царь, — сказалъ дервишъ, — но сдѣлай это мудро.

— Разумѣется, — отвѣтилъ царь, который считалъ себя очень мудрымъ, такъ какъ всѣ придворные постоянно твердили ему объ этомъ. И онъ вернулся къ себѣ во дворецъ.

На слѣдующій день царь велѣлъ позвать всѣхъ своихъ дочерей и сыновей и сказалъ имъ:

— Вчера, когда я ѣхалъ по пустынѣ, съ моего пальца упало кольцо царя Соломона, а это кольцо — величайшее сокровище и даетъ власть надъ духами. Тотъ, кто возвратитъ мнѣ это кольцо, получить въ награду цѣлое царство.

Царевны и царевичи, подобравъ платья, сейчасъ же съ величайшей поспѣшностью отправились въ пустыню; только самый младшій царевичъ, по имени Мирза, и самая млад-

шая царевна, по имени Мирьямъ, остались сидѣть въ палаткѣ.

— Почему вы сидите здѣсь, тогда какъ ваши братья и сестры пошли искать мое сокровище?—спросилъ царь.

— Мы съ радостью готовы служить нашему отцу безъ всякой награды,—отвѣтила Мирьямъ,—но мы подождемъ, пусть возвратятся наши братья и сестры; мы не хотимъ ихъ лишать возможности получить въ награду царство; могло бы случиться, что кому-нибудь изъ насъ двоихъ посчастливилось найти потерянное сокровище.

— Лѣнивыя дѣти,—сказалъ недовольный царь,—я хорошо вижу, что вы любите меня гораздо меньше, чѣмъ ваши братья и сестры. Я запрещаю вамъ искать мое сокровище.

Вечеромъ двѣнадцать царскихъ дѣтей возвратились домой усталыя, ничего не найдя. Царь встрѣтилъ ихъ со смѣхомъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ испытать васъ!

И онъ приказалъ дать каждому изъ шести царевичей по золотой саблѣ, а каждой изъ шести царевенъ по драгоценному кольцу со сверкающими самоцвѣтными камнями. Ни Мирза, ни Мирьямъ не получили никакого дара.

Ночью королю снова приснился тотъ же сонъ, и онъ рѣшилъ на слѣдующее утро устроить новое испытаніе.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ,—царь персидскій идетъ на меня съ большимъ войскомъ, и мнѣ не устоять противъ него. Быть можетъ, завтра онъ уже завладѣетъ моей страной, а васъ продадутъ въ рабство. А потому вотъ что я рѣшилъ: я дамъ вамъ по верблюду, нагруженному всѣмъ необходимымъ для поддержания жизни, и вы спасайтесь, ибо вы молоды, а меня покиньте; ничего, если я попаду въ руки врага, такъ какъ я уже старъ.

Послѣ этихъ словъ наступило глубокое молчаніе, во время котораго царевичи и царевны въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, старшіе стали шептать другъ другу:

— Онъ испытываетъ насъ!

И они отвѣтили:

— Отецъ, мы останемся съ тобою!

Только Мирза и Мирямъ съ опущенными глазами выступили впередъ и попросили царя дать имъ по верблюду.

— Что?—воскликнулъ царь. — Всѣ дѣти мнѣ вѣрны, и только младшіе хотятъ бѣжать отъ лица своего отца?

— Отецъ, мы дѣлаемъ это не ради насъ, а ради тебя, — отвѣтили дѣти, цѣлуя его руки.

— Скройтесь съ глазъ моихъ, неблаго- дарныя созданья, и никогда не показывайтесь мнѣ больше! — воскликнулъ царь внѣ себя отъ гнѣва. И онъ выгналъ дѣтей, давъ имъ по верблюду, въ дикую пустыню.

Мирза и Мирьямъ были глубоко увѣрены въ томъ, что ихъ отцу, дѣйствительно, угро- жаетъ персидскій царь. Они сейчасъ же об- думали все и рѣшили, какъ спасти отца. Въ то время, какъ они ѣхали по пустынѣ, они принялись обсуждать свой планъ.

— Мы поѣдемъ въ лагерь иноземнаго царя, — сказала Мирьямъ. — Я брошусь на колѣни передъ нимъ, покрою поцѣлуями его ноги и буду обливать своими слезами его шел- ковые ковры до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ мнѣ обѣщанія не причинять зла нашему отцу.

— А если онъ останется глухимъ къ твоей мольбѣ, то я кинусь на него, какъ молодой левъ, и убью его, — сказалъ Мирза. — Тогда персы останутся безъ царя, и имъ придется бѣжать назадъ въ свою страну; а если бы мнѣ пришлось умереть отъ ихъ руки, я по-

шелъ бы на смерть съ радостью, сознавая, что спасаю жизнь моему отцу.

Разговаривая, они ѣхали все дальше по пустынѣ безъ дорогъ и тропинокъ; день склонялся къ вечеру, солнце зашло, и сейчасъ же наступила тьма, которая окутала все вокругъ непроницаемой завѣсой. Ночью поднялся самумъ и замелъ въ горячемъ пескѣ пустыни всѣ слѣды. Но дѣти ѣхали все дальше въ надеждѣ добраться наконецъ до лагеря непріятеля.

Послѣ нѣкотораго молчанья, Мирьямъ спросила брата:

— Скажи, братъ, почему наши верблюды фыркаютъ и въ страхѣ останавливаются, какъ будто бы боятся идти дальше?

Мирза отвѣтилъ:

— Наши верблюды фыркаютъ потому, что они чуютъ льва, царя пустыни; онъ по ночамъ ищетъ добычу. Но не тревожься: левъ благородное животное и не тронетъ насъ; у него газели и антилопы,—онъ подстерегаетъ ихъ у ручья, куда онѣ ходятъ на водопой.

Черезъ нѣсколько времени Мирьямъ опять сказала:

— Ужъ не заблудился ли кто-нибудь въ

пустынѣ? Мнѣ кажется, я слышу во тьмѣ, далеко отъ насъ, человѣческіе стоны и крики.

Мирза отвѣтилъ:

— Не тревожься,—это кричить гіена; она идетъ по слѣдамъ льва, чтобы полакомиться остатками его добычи; гіена трусливое животное, и я прогоню ее ударомъ моего хлыста.

Черезъ нѣсколько времени Мирьямъ опять сказала брату:

— Я слышу опять какіе-то звуки совсѣмъ близко, и звуки эти наводятъ ужасъ. Братъ, что бы это могло быть? Наши верблюды остановились, какъ вкопанные, и трепещутъ, какъ листья миндальнаго дерева передъ землетрясеніемъ.

Мирза отвѣтилъ только:

— Сестра, держись какъ можно ближе ко мнѣ—и да защититъ насъ Господь!

Мирьямъ не видѣла во мракѣ, какъ онъ поблѣднѣлъ; а поблѣднѣлъ онъ, потому что узналъ страшное рычанье тигра, самаго кровожаднаго изъ всѣхъ хищныхъ звѣрей пустыни; тигръ не щадитъ никогда живыхъ существъ, попадающихъ ему навстрѣчу.

Мирьямъ стало страшно, потому что ужасное рычанье слышалось во тьмѣ все ближе и

ближе, и она стала молиться Аллаху; а Аллахъ на арабскомъ языкѣ означаетъ: единый и всемогущій Богъ.

— Великій Аллахъ,—молилась Мирьямъ,—мы—двое несчастныхъ дѣтей, покинутыхъ отцомъ и всѣмъ свѣтомъ. Мы одиноки въ пустынѣ среди дикихъ звѣрей и не знаемъ, куда намъ направиться въ эту темную ночь, гдѣ искать пріюта и защиты. На одного тебя мы уповаемъ, ты одинъ можешь защитить насъ. Если на то будетъ твоя воля, то никто не причинитъ намъ зла, и ты самъ проведешь насъ невредимыми черезъ всѣ опасности. Великій Аллахъ, прикажи твоимъ ангеламъ привести насъ въ безопасное мѣсто, гдѣ бы мы могли спокойно дожидаться разсвѣта; а завтра на зарѣ мы падемъ ницъ и прославимъ имя твое при первыхъ лучахъ восходящаго солнца.

Мирьямъ продолжала молиться, а Мирза держалъ наготовѣ свою саблю, собираясь отразить нападеніе страшнаго звѣря, какъ вдругъ они услышали большіе прыжки: это тигръ убѣгалъ въ противоположную сторону, будто спасаясь отъ кого-то, кто былъ сильнѣе его. Верблюды перестали дрожать и снова пошли

впередъ, осторожно ступая; самумъ пересталъ дуть.

Мирьямъ сказала:

— Скажи, братъ, почему верблюды снова пошли?

— Не знаю, — отвѣтилъ Мирза, — вѣроятно, потому, что горячій вѣтеръ улегся, и воздухъ сталъ свѣжѣе.

— Я вижу двѣ свѣтлыя полосы передъ нами — одну полосу передъ моимъ верблюдомъ, а другую передъ твоимъ. Что бы это могло быть, братъ?

— И я вижу двѣ полосы, — сказалъ Мирза, — вѣроятно, это свѣтъ луны, спрятанной за облаками. Или это великолѣпные свѣтляки, которые иногда свѣтятся ночью послѣ того, какъ падетъ роса.

— Нѣтъ, — сказала Мирьямъ, — теперь я вижу яснѣе. Это два бѣлыхъ ангела; они идутъ передъ нами и ведутъ нашихъ верблюдовъ; и ангелы эти легкіе и прозрачные, какъ утренній воздухъ. Теперь возблагодаримъ Аллаха, братъ, — мы пришли къ источнику: въ сіяніи, исходящемъ отъ ангеловъ, я вижу пальмы и воду.

Мирьямъ была права, они очутились въ оазисѣ. Они сошли съ верблюдовъ, напоили

ихъ и приготовили себѣ мѣсто для ночлега. Однако, Мирза не могъ еще успокоиться, потому что онъ зналъ, что такіе оазисы служатъ убѣжищемъ для всевозможныхъ звѣрей, добрыхъ и злыхъ, собирающихся къ ручью, чтобы утолить свою жажду. Въ ту минуту, какъ онъ приблизился къ ручью, изъ-за тучъ появилась полная луна и освѣтила своимъ серебристымъ свѣтомъ безконечную пустыню и зеленый оазисъ. Ручей засверкалъ при лунномъ свѣтѣ длинной извивающейся серебряной полоской. И что же? По берегамъ ручья, вплотную другъвозлѣ друга, стояли тысячи всевозможныхъ звѣрей пустыни, собравшихся сюда, чтобы напиться свѣжей воды. Мирза увидалъ, къ своему удивленію, что рядомъ со львомъ стоитъ пугливая газель, рядомъ въ тіенѣй дикій козель, рядомъ съ тигромъ антилопа,—и, повидимому, ни одинъ изъ этихъ звѣрей не собирается причинить другому зла, и ни одинъ не боится другого.

— Ахъ,—сказалъ Мирза,—здѣсь спать нельзя; здѣсь есть другіе нежеланные гости, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ полагаться нельзя.

— Успокойся, братъ,—сказала Мирямъ.— Развѣ ты не видишь, что два бѣлыхъ ангела дѣлаютъ знаки на головахъ звѣрей? Это

означаетъ, что ни одинъ звѣрь не долженъ въ эту ночь причинять кому-нибудь зло. А потому отдохнемъ спокойно у подножія пальмы. Аллаха будетъ бодрствовать надъ нами во время нашего сна.

На слѣдующее утро Мирза и Мирьямъ проснулись съ восходомъ солнца подъ пальмами и тузовыми деревьями. Ахъ, какъ вокругъ нихъ все было прекрасно, какъ свѣжъ и прохладенъ былъ воздухъ въ зеленомъ оазисѣ, среди необозримой пустыни! Дѣти опустились на колѣни и вознесли горячую молитву Аллаху, какъ они всегда это дѣлали утромъ и вечеромъ; они благодарили Творца пустыни и всего міра за то, что онъ охранялъ ихъ въ эту ночь среди множества дикихъ звѣрей, которые лежали вокругъ нихъ, точно кроткіе ягнята. Птички съ золотистыми крылышками порхали по оазису и также воспѣвали хвалу Аллаху; надъ ручьемъ летали ласточки и ловили стрекозъ, а въ ручьѣ плавали два бѣлыхъ лебедя; они прилетѣли сюда съ сѣвера, спасаясь отъ суровой сѣверной зимы. Въ Аравіи никогда не бываетъ зимы, но зато тамъ нѣтъ и весны; дѣти пустыни никогда не мерзнуть, но и не знаютъ радостей весны.

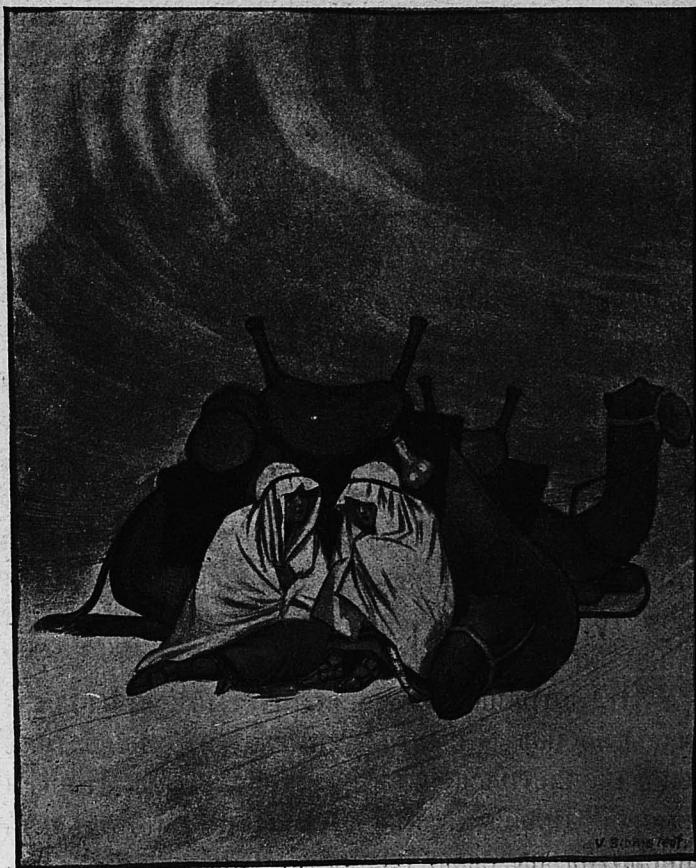
Дѣти выкупались въ ручьѣ, напоили своихъ верблюдовъ, взяли запасъ финиковъ и винныхъ ягодъ, наполнили кожаныя бутылки водой и снова поѣхали на верблюдахъ разыскивать лагерь персидскаго царя, чтобы спасти своего отца, царя богатой Аравіи.

— Поѣдемъ на востокъ,—сказала Мирьямъ,—я знаю, что персы живутъ на востокѣ.

Однако оказалось, что у Мирзы было гораздо меньше терпѣнья, чѣмъ у его сестры Мирьямъ, и онъ захотѣлъ, чтобы ихъ путешествіе скорѣе кончилось.

По мѣрѣ того, какъ солнце все выше поднималось надъ пустыней, желтый песокъ раскалялся все больше, воздухъ нагрѣвался и становился удушливымъ, и нигдѣ кругомъ, куда только ни хваталъ глазъ, не было видно ни деревца и ничего такого, что давало бы хоть сколько-нибудь тѣни; повсюду лежалъ песокъ длинными гладкими грядами наподобіе волнъ. Мирза сталъ съ безпокойствомъ оглядываться кругомъ, и Мирьямъ опять спросила его:

— Братъ, почему такъ тяжело дышать, и что это за бурая туча, которая поднимается съ юга и надвигается сюда?

— Аллахъ разгнѣвался на насъ, — отвѣтилъ Мирза. — Это песчаный смерчъ, его несетъ на насъ самумъ; если мы сойдемъ съ верблюдовъ, то мы умремъ.

Дѣти поспѣшно прыгнули на песокъ и спрятались за верблюдовъ, которые опустились на колѣни, повернувъ спины къ вѣтру. Едва они успѣли это сдѣлать, какъ большая буря уже настигла ихъ. Раздался страшный свистъ и глухой рокотъ, точно зашумѣло бурное море. Воздухъ сдѣлался горячимъ, какъ въ раскаленной печкѣ, и каждая песчинка, падавшая на обнаженное тѣло, жгла, какъ огненная искра. Стало темно, точно ночью; ничего не было видно и ничего не было слышно; оставалось только плотно прикрыть голову, чтобы защищаться отъ мелкой горячей песочной пыли, которая проникала въ глаза, носъ и ротъ.

Эта страшная буря въ пустынѣ продолжалась не болѣе шести минутъ, потомъ воздухъ снова очистился, и вѣтеръ успокоился. Первая высвободилась изъ-подъ груды песка Мирьямъ, несмотря на свою слабость. Она помогла своему брату выбраться изъ песчаной могилы, въ которой они были погребены.

— О, какъ я рада, что ты живъ!—воскликнула она.

— Что изъ того, что мы живы, разъ наши верблюды задохлись подъ пескомъ. Бѣдная Мирьямъ, теперь намъ остается только умереть: у насъ нѣтъ больше корабля, на которомъ мы могли бы плыть по песчаному морю.

— Не теряй мужества,—сказала Мирьямъ, стараясь утѣшить брата.—Мы остались живы: значить, Аллахъ сохранилъ насъ отъ денного зноя такъ же, какъ онъ охранилъ насъ отъ ночной тьмы. Выпьемъ остатки нашей воды, чтобы прочистить ротъ отъ песка, и пойдемъ дальше подъ охраною ангеловъ Аллаха.

Мирза ничего не сказалъ. Они выпили всю воду, которая у нихъ оставалась; это очень подкрѣпило ихъ, и они пустились дальше въ путь пѣшкомъ по глубокому песку, подъ жгучими солнечными лучами.

Черезъ нѣсколько времени Мирза сказалъ:

— Стоить ли намъ итти дальше? Лучше сядемъ и будемъ ожидать смерти.

— Нѣтъ,—сказала Мирьямъ,—мы должны спасти нашего отца. Я вижу на нескѣ слѣды страуса, пойдемъ по нимъ.

Нѣкоторое время они шли молча, потомъ Мирза опять сказалъ:

— У меня больше нѣтъ силъ; теперь я умру.

— Нѣтъ, — возразила Мирьямъ, — мы должны спасти нашего отца. Вонъ я вижу растеніе въ пескѣ, это іерихонская роза; она сохнетъ сотни лѣтъ, и зеленѣетъ вновь, какъ только ее польетъ дождемъ. Вотъ подожди немного, мы скоро увидимъ зелень.

Они пошли дальше. Черезъ нѣсколько времени Мирза снова захотѣлъ броситься на песокъ и ожидать смерти, но въ это мгновеніе Мирьямъ стала прислушиваться къ чему-то со стороны вѣтра и сказала:

— Я слышу тяжелую поступь верблюдовъ въ пустынѣ; мы должны еще жить, чтобы спасти нашего отца.

Изъ-за песчаного холма показался караванъ, и вскорѣ онъ нагналъ дѣтей. Богатый купецъ, которому принадлежалъ караванъ, сжалился надъ покинутыми дѣтьми, посадилъ ихъ на своихъ верблюдовъ и спросилъ, куда они идутъ.

— Мы идемъ къ персидскому царю, — отвѣтилъ Мирза.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте со мной, —

сказалъ купецъ:—я направляюсь со своимъ караваномъ въ столицу Персіи—Тегеранъ, и удостоюсь чести лицезрѣть могущественнаго царя Персіи; онъ покупаетъ у меня слоновую кость и золотой песокъ.

Мирза и Мирьямъ очень обрадовались неожиданной помощи; они поблагодарили добраго купца и отправились съ нимъ въ Персію, все еще надѣясь спасти своего отца.

Прошло двадцать четыре дня, прежде чѣмъ дѣти достигли столицы Персіи. На слѣдующій же день купецъ отвелъ ихъ въ золотой дворецъ царя.

Царь сидѣлъ на тронѣ изъ слоновой кости съ двумя ручными львами у своихъ ногъ. Онъ сдѣлалъ знакъ дѣтямъ, чтобы они сказали, по какому дѣлу пришли къ нему. Мирза и Мирьямъ покраснѣли, какъ алыя розы, не столько отъ страха передъ царемъ (вѣдь они сами были царскими дѣтьми), сколько отъ страха передъ львами. Но, наконецъ, Мирьямъ вышла впередъ, бросилась къ ногамъ царя, поцѣловала его туфлю и сказала:

— Царь, мы слышали, что ты хочешь итти на нашего отца, царя богатой Аравіи, что ты хочешь воевать съ нимъ, убить его и взять въ рабство его дѣтей. Это очень дурно

съ твоей стороны, царь. А потому мы пришли сюда, чтобы попросить тебя не причинять зла нашему отцу, а лучше излить твой гнѣвъ на насъ и убить насъ,—лишь бы ты пощадилъ жизнь нашему отцу. Если хочешь, мы согласны быть твоими рабами: я буду усердно день и ночь отгонять мухъ, стоя у твоего царскаго трона, а братъ мой Мирза будетъ храбро защищать тебя отъ всѣхъ твоихъ враговъ, потому что онъ сильнѣе самыхъ лучшихъ твоихъ львовъ. Но, царь, пощади жизнь нашего отца!

— А если я останусь глухимъ къ вашей просьбѣ?—спросилъ царь.—Что вы тогда сдѣлаете?

— Тогда тебѣ придется вступить въ борьбу со мной,—отвѣтилъ Мирза,—я свергну тебя съ престола, клянусь Аллахомъ, который слышитъ молитву праведнаго!

— Хорошо,—сказалъ царь,—я обдумаю ваши слова и скажу вамъ отвѣтъ черезъ семь лѣтъ; за это время я не причиню вашему отцу никакого зла. Но до тѣхъ поръ, пока я не приму какого-нибудь рѣшенія, вы останетесь у меня въ качествѣ рабовъ.

Дѣти остались довольны этимъ рѣшеніемъ и сдѣлались рабами при дворѣ персидскаго

царя. Они исполняли самыя тяжелыя работы; царевичъ Мирза долженъ былъ каждую ночь чистить вооруженіе царя, а царевна Мирьямъ должна была подметать полы въ комнатахъ царицы. Такъ это продолжалось семь долгихъ лѣтъ. За эти годы дѣти выросли и расцвѣли, какъ молодые кедры. Они съ радостью переносили все испытанія изъ любви къ отцу.

Когда прошло семь лѣтъ, Мирза сказалъ однажды Мирьямъ:

— Срокъ истекъ, и царь долженъ теперь принять какое-нибудь рѣшеніе,—я не хочу больше служить рабомъ.

Мирьямъ отвѣтила:

— А я съ радостью служила бы рабыней, ради моего любимаго отца, еще три раза семь лѣтъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ самъ царь и сказалъ:

— Вы вѣрой и правдой прослужили мнѣ семь лѣтъ. Теперь я вижу, что у васъ вѣрныя сердца, вы пожертвовали всеми радостями юныхъ лѣтъ ради любви къ вашему отцу. Вотъ почему я расскажу вамъ теперь все, которую мнѣ привезли съ вашей родины.

Ваши шесть братьевъ предательскимъ образомъ захватили въ плѣнъ вашего отца и заключили его въ глубокое подземелье въ башнѣ; а ваши шесть сестеръ съ ихъ мужьями сторожатъ башню и даютъ отцу по одному финику въ день, чтобы, такимъ образомъ, уморить его голодной смертью. И вотъ, въ награду за вашу вѣрность я рѣшилъ послать войско въ вашу страну и освободить вашего отца. Ты, Мирза, будешь предводительствовать войскомъ, а ты, Мирьямъ, своими руками снимешь оковы съ несчастнаго плѣнника. Приговоръ Аллаха непогрѣшимъ: вѣрныя и благодарныя дѣти должны исправить то, въ чемъ погрѣшили передъ своими родителями неблагодарныя и невѣрныя дѣти.

Какъ царь сказалъ, такъ и случилось. Вскорѣ персидское войско двинулось въ походъ съ верблюдами и слонами подъ предводительствомъ царевича Мирзы. Мирьямъ ѣхала на молодомъ верблюдѣ, на которомъ была роскошная сбруя, отдѣланная жемчугомъ, и расшитое золотомъ сѣдло. Шесть черныхъ рабынь прислуживали ей и каждый день расчесывали ей волосы, а шесть мавровъ повсюду слѣдовали за ней съ большими опахалами, которыя давали тѣнь во время полуденнаго зноя.

Между тѣмъ царь богатой Аравіи, отецъ Мирзы и Мирьямъ, старый и сѣдой, удрученный и голодный, сидѣлъ въ темномъ подземельи и смотрѣлъ въ маленькое оконце съ желѣзной рѣшеткой. Вдругъ окно заслонила какая-то тѣнь, и царь увидалъ столѣтняго дервиша Эноха, пришедшаго навѣстить его.

— Ну, что, какъ тебѣ живется, царь?—спросилъ дервишъ.

Царь богатой Аравіи отвѣтилъ ему:

— Энохъ, помнишь ли ты мой сонъ? Какъ счастливы тѣ люди, которымъ Аллахъ никогда не даетъ дѣтей, ибо такіе люди не отогрѣвали на своей груди змѣй.

— Нѣтъ,—сказалъ дервишъ,—счастливы тѣ люди, которымъ Аллахъ далъ добрыхъ, вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей, ибо такіа дѣти—золотое зерно въ домъ бѣдняка и жемчугъ въ царской коронѣ. Но ты, царь, захотѣлъ купить любовь твоихъ дѣтей обѣщаніемъ царства, и вотъ, они отняли у тебя и царство и любовь.

— Ахъ,—сказалъ царь,—у меня было двое дѣтей, которыхъ я любилъ больше всѣхъ, но они не выдержали испытанія; они первыя покинули меня. А теперь жизнь моя угасаетъ, и я скоро умру, потому что дѣти мои даютъ мнѣ

лишь по одному финику въ день и столько воды, сколько выпиваетъ голубь въ прохладную утреннюю пору. Скажи, Энохъ, не слышишь ли ты приближенія грозы? не пошлетъ ли Аллахъ ее съ небесъ, чтобы наказать моихъ злыхъ дѣтей?

Дервишъ отвѣтилъ:

— Я слышу—твои дочери играютъ на арфахъ и поютъ съ гостями въ твоей царской палаткѣ.

Царь сказалъ:

— И ты не видишь молніи, падающей съ небесъ на землю?

Энохъ отвѣтилъ:

— Я вижу блескъ въ царскомъ залѣ, гдѣ собрались гости: это блестятъ новыя золотыя короны твоихъ сыновей; они примѣряютъ ихъ на свои головы.

Царь сказалъ опять послѣ нѣкотораго молчанія:

— Аллахъ умеръ, иначе никогда не могло бы случиться ничего подобнаго. Если ты не видишь ничего другого, то я хочу умереть; родителей убиваетъ неблагодарность дѣтей.

Но на это Энохъ отвѣтилъ:

— Подожди еще немного, царь; быть мо-

жетъ, Аллахъ еще живъ. Я вижу облако пыли; оно поднимается на краю пустыни, и въ лучахъ солнца сверкаетъ что-то, похожее на стальные пики и оружіе.

— Приближается ли облако?

— Да, теперь я уже могу различить всадниковъ, верблюдовъ и слоновъ... Царь, это громадное войско, впереди котораго ѣдетъ величественный полководецъ, а сейчасъ же за нимъ слѣдуетъ царевна, вся въ золотѣ и жемчугахъ... Но что это? Изъ царской палатки до меня доносятся крики и бряцанье оружія. Твои сыновья поссорились изъ-за коронъ, а арфы твоихъ дочерей валяются, изрубленные саблями.

— Тогда я подожду еще немного, — сказалъ царь.

Теперь до самаго подземелья донеслось бряцаніе оружія. Это шесть царевичей со всѣми своими придворными обнажили сабли и вступили въ борьбу другъ съ другомъ. Увлеченные рукопашнымъ боемъ, они не замѣтили приближенія вражескаго войска, пока городъ не оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Чужестранецъ - царевичъ потребовалъ, чтобы передъ нимъ открыли ворота. Никто не отвѣтилъ ему. Онъ сидѣлъ на своемъ бѣломъ

боевомъ конѣ и ждалъ у воротъ, пока бряцаніе оружія, доносившееся изнутри, не стихло. Тогда онъ приказалъ взломать городскія ворота, и что же представилось его глазамъ?

Всѣ великолѣпныя палатки были залиты кровью и переполнены мертвыми тѣлами. Шестеро царевичей и всѣ ихъ придворные погибли въ рукопашной схваткѣ; они бились другъ съ другомъ изъ-за обладанія коронами до тѣхъ поръ, пока не погибли всѣ до послѣдняго челоука. Въ этой же схваткѣ погибли и всѣ шесть царевенъ; онѣ лежали мертвыя возлѣ своихъ разбитыхъ арфъ.

Чужая царевна подѣхала къ башнѣ, въ которой томился старый царь; она вошла къ нему въ подземелье, поцѣловала его руку и сняла съ него оковы. Потомъ она ласково вы-

вела его въ зеленый садъ и тамъ ему разсказала все, что произошло во дворцѣ.

— Ахъ,—вздыхнулъ царь,—теперь я старый, одинокій и бездомный, и некому меня больше любить. Ахъ, лучше бы мнѣ умереть, а мои невѣрные дѣти пусть бы жили!

— Царь, — сказала чужая царевна, — что сказалъ бы ты, если бы Аллахъ далъ тебѣ вѣрныхъ дѣтей вмѣсто тѣхъ, которыхъ ты потерялъ?

— Нѣтъ, это невозможно, — отвѣтилъ царь, — у меня былъ еще одинъ сынъ, по имени Мирза, и дочь, по имени Мирьямъ, но они уже давно покинули меня.

Тутъ царевна Мирьямъ не могла дольше скрывать слезы; она бросилась на шею къ своему отцу, горячо поцѣловала его и все разсказала ему. Царевичъ тоже подошелъ къ своему отцу, преклонилъ передъ нимъ колѣни и возвратилъ ему его царство. Старый царь обрадовался несказанно; онъ благословилъ своихъ вѣрныхъ дѣтей и попросилъ ихъ принять отъ него царство въ даръ.

Невѣрныхъ дѣтей, окровавленные тѣла которыхъ валялись возлѣ палатокъ, сожгли на кострахъ.

Столѣтній дервишъ благословилъ Мирзу и Мирьямъ и пожелалъ, чтобы они, какъ это обѣщаетъ пятая заповѣдь, долго жили на землѣ. А теперь этой сказкѣ конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Царевна Златолипка.	3
Сампо-Лапченкокъ	51
Мирза и Мирьямъ	76

ТОВАРИЩЕСТВО О. Н. ПОПОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ УЛИЦА, № 51.

М. МОРАВСКАЯ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ 37-ю рисунками и обложкой въ 3-хъ краскахъ
художника С. Чехонина.

ЦѢНА ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 1 РУБ.

Отзывы печати:

Подлиннаго поэта вижу я въ М. Моравской... У нея въ поэзіи — свой голосъ, свое лицо, своя манера... Милыя дѣтскія стихотворенія.

Ивановъ-Разумникъ. „Звѣзды“, № 10, 1913 г.

Особенно радостно привѣтствовать тѣ рѣдкія книги, которыя даютъ дѣтямъ возможность испытать изъ чистаго родника истинной поэзіи и доставляютъ имъ минуты не только развлечения, но и художественнаго наслажденія.

Среди этихъ рѣдкихъ книгъ займетъ свое мѣсто и сборникъ стиховъ для дѣтей М. Моравской „Апельсинныя корки“.

Н. Александровичъ. „День“, № 341, 1913 г.

Хорошая дѣтская книга—явленіе очень рѣдкое. Хорошіе дѣтскіе стихи—явленіе почти исключительное. Стихи Моравской, несомнѣнно, принадлежать къ такимъ радостнымъ исключеніямъ.

„Русская Мысль“, № 2, 1914 г.

„БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“.

Книжки №№ 70—84 Ученымъ Комитетомъ М. Ж. П. допущены въ учебн. библіотеки начальныхъ училищъ.

- № 70. Ульяновъ, А. Въ ученьи. Рассказъ. Изд. 2-е. Ц. 6 к.
№ 71. Ульяновъ, А. Въ акробаты. Рассказъ. Ц. 6 к.
№ 72. Андерсенъ. Избранныя сказки. Книга I.— Царевна на горошинѣ.—Новое платье короля.—Дикіе лебеди.—Маргаритка.—Гречиха.— Лизочка съ пальчикъ. Съ рисунками. Ц. 20 к.
№ 73. Андерсенъ. Избранныя сказки. Книга II.— Соловей.— Гадкій утенокъ.— Елочка.— Мать.— Дѣвочка со спичками. Съ рисунками. Ц. 20 к.
№ 74. Топеліусъ. Избранныя сказки. Книжка I Жемчужина Адальмины.— Милосердый—богаты.— Чти отца твоего и мать твою.— Береза и звѣздочка.— Малиновый червякъ.— Даръ морского царя. Съ рисунками. Ц. 20 к.

Серія „РОДНЫЕ ПОЭТЫ“.

Иллюстрированы художниками: М. Билибиной, Чемберсъ, Пановымъ и др.

- № 80. Стихотворенія А. Пушкина. Ц. 20 к.
№ 81. Стихотворенія М. Лермонтова. Ц. 20 к.
№ 82. Стихотворенія А. Толстого, А. Жемчужникова, А. Майкова. Ц. 20 к. № 83. Стихотворенія В. Жуковского. Книжка I. Ц. 20 к.
№ 84. Стихотворенія В. Жуковского. Книжка II. Ц. 20 к. № 85. Стихотворенія Некрасова, Никитина и Сурикова. Ц. 20 к.

Книжный магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
(С.-Петербургъ, Гороховая, 51)

высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.
Каталогъ изданій высыл. по требов. бесплатно.

Отдѣленіе склада изданій О. Н. ПОПОВОЙ
въ Москвѣ: Остоженка, 1-й Ильинскій, д. № 8.

№ 75

Ц. 20 к